

Виктория Ближевская

СПОКОЙНЫХ
ДНЕЙ
НЕ БУДЕТ

Книга I

*Не в этой
жизни*

Виктория Ближевская

Спокойных дней не будет.
Книга I. Не в этой жизни

«Издательские решения»

Ближевская В.

Спокойных дней не будет. Книга I. Не в этой жизни /
В. Ближевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837585-9

Если любовь не признает доводов разума, то остается слушать сердце и быть счастливым. Соня и Илья долгие годы не смеют отдаться взаимному притяжению. Разница в возрасте, общественная мораль — все против них. Она выходит замуж за другого, он принимает решение забыть о ней. Но как забыть, когда любая мелочь возвращает его мыслями к этой девушке. И Соня следует за своими фантазиями, совершает ошибки, но без Ильи ее жизнь пуста. И они снова тянутся друг к другу, не зная, куда заведет их любовь.

ISBN 978-5-44-837585-9

© Ближевская В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Намерение жениться	13
Глава 2. Она согласна	26
Глава 3. Можете поцеловать невесту	34
Глава 4. Взрослая девочка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Спокойных дней не будет Книга I. Не в этой жизни

Виктория Ближевская

Дизайнер обложки Екатерина Глейзер

© Виктория Ближевская, 2017

© Екатерина Глейзер, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7585-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ночами, когда дом тонул в темноте, лишь одно окно, нарисованное на темной стене мягким светом настольной лампы, мерцало среди деревьев, словно маяк для заблудившихся путников, когда хозяин кабинета в задумчивости расхаживал от стены к стене. Ночь была лучшим временем для работы, и он не упускал случая побыть наедине с бумагами и мыслями перед отходом ко сну. Позволить себе полноценный отдых он сможет не раньше, чем контракт, на подготовку которого ушло много месяцев, будет подписан, и объединенная корпорация сможет получить долгожданные двадцать восемь процентов рынка, а ее акционеры удвоят личные капиталы. Илья Ефимович Билецкий третий месяц готовился к этому событию, назначенному на последний день июня, перечитывал документы, десятки раз проштудированные юристами, но сегодня дальше десятой страницы уйти не мог.

Сквозь сигаретный дым он всматривался в ближайший перелесок, где сходили с ума ошалевшие от любви соловьи. Если контракт будет подписан... Нет, не так. Когда контракт будет подписан, он поднимется на следующую ступень, хотя еще недавно казалось, что выше уже некуда. Ему предстояло стать триумфатором, но вместо последнего рывка к победе он бездумно растрачивал драгоценные часы в мыслях о женщине.

Время неторопливо перевалило за полночь и поползло к рассвету. Мраморная пепельница ошетибилась окурками. А он метался по комнате, как волк в вольере, взглядывая на черный циферблат и ругал себя, что не послал за Соней машину. Только когда часовая стрелка приблизилась к четырем, на лестнице раздался торопливый перестук каблучков. Хозяин кабинета загасил сигарету и, облегченно выдохнув, потер наморщенный лоб ладонью.

– Я уже отправил по твоему следу служебных собак, Софья!

Девушка, без стука распахнувшая дверь, в ответ беспечно рассмеялась и пошла через комнату танцующей походкой.

– Я так счастлива, Илюша, так счастлива!

Потерявшаяся Софья по дороге грациозно, как намочившая лапки кошка, сбросила туфли и сразу из светской красавицы превратилась в беззащитную девочку. Продолжая смеяться, она бросилась на шею мужчине и принялась щебетать о поездке на автобусе по ночному городу, о мальчике, который потрясающе танцевал, но один раз все-таки наступил ей на ногу, о роскошном платье бывшей соседки по парте.

– Вижу, вечер удался. – Илья погладил ее по голове и отстранился. – Ты едва на ногах держишься. Роза будет ворчать, если ты проспичь до ужина.

– Ты придешь пожелать мне спокойной ночи?

– Если поторопишься, а то солнце вот-вот взойдет.

Только теперь он ощутил, что и сам падает от усталости. Девушка притворно испугалась, сверкая смеющимися глазами, и босиком выбежала в коридор. Одной рукой она вынимала из волос шпильки, а другой придерживала подол длинного платья. В этом платье она напонила ему мать на послевоенных фотографиях. Молодая женщина под зонтиком на залитой солнцем улице. И рядом неулыбчивый мужчина в летнем костюме. Мужчина, на которого он становился с каждым годом все больше похож. Тот же угрюмый взгляд из-под тяжелых бровей, то же неумение подстраиваться под других людей, сглаживать углы и быть как все. Вспоминать было не время, но мысли захватили его и вернули на семнадцать лет назад, когда попискивающий сверток, перехваченный розовой лентой беспомощно шевелился на кровати, и догадываясь о страшном Роза зажимала ладонями плачущий рот и раскачивалась, глядя на осиротевшее дитя. «Это Соня, наша дочь, – задохнувшись от боли, сказал Илья и стер с лица предательские слезы. – Они ничего не смогли сделать... Мама... ее больше нет...»

Илья Ефимович потряс головой, отгоняя тягостные воспоминания, и, выждав положенные десять минут, поднял с ковра разбросанные туфли и отправился выполнять обещание.

Дверь в спальню девушки была приоткрыта, и в узкую щель сочился зеленоватый свет ночника. Мужчина помедлил на пороге, побарабанил костяшками пальцев по косяку и после ее нетерпеливого: «Ну что за церемонии, Илья!» переступил порог.

Ничто не напоминало о прошедшем празднике. Вечернее платье исчезло в шкафу. На письменном столе скучала раскрытая тетрадка, а потрепанная сумка для учебников была прислонена к ножке стула. Илья оглядел комнату хозяйским взглядом и только потом посмотрел на широкую кровать, где счастливая Соня в ночной сорочке ждала отцовского поцелуя. Темно-красный шелк легкими волнами стекал ей на колени.

– Где ты ходишь! Я почти уснула. – Он с неохотой присел на край кровати, и девушка потянулась к нему обнаженными руками. – Плохо, что ты не отдохнул! Нельзя так мало спать! – Кончиками пальцев она погладила его висок, но тут же забыла о грусти и потерлась щекой о его плечо: – Как здорово, что ты меня дождался! Знаю, я ужасная эгоистка, мне так хотелось разделить праздник с родным человеком. Ведь сегодня было все особенное. И я уже другая. И даже спать не хочется.

Так уставшие дети пытаются ухватить за хвост ускользающий день, и мужчина усмехнулся этому невинному обману.

– От бессонницы помогает многостраничный контракт.

– В топку контракт! Лучше ты побудь со мной подольше.

Заканчивая фразу тихим мурлыканьем, она сползла на подушку и потянула его за собой.

– Что ты творишь, Соня. Отпусти!

Попытка избежать опасной близости вышла неубедительной, и он поморщился от собственного лицемерия. Но, казалось, она не заметила его замешательства, и продолжала ластиться, как кошка.

– Если бы ты знал, как я тебя люблю!

– Я знаю.

Он смущенно покашлял, еще не догадываясь, куда заведет их разговор.

– Нет, не знаешь, – посерьезнев, возразила Соня и заглянула ему в глаза. – Ничего ты не знаешь, Илюша.

Взрослея, она чаще звала его просто по имени. И сейчас в ее спальне, на подушке, пахнувшей ее духами, это имя, произнесенное десятки тысяч раз, прозвучало так призывно и пылко, что у него перехватило дыхание.

– Обними меня крепко-крепко, – попросили неосторожные девичьи губы возле его щеки. – Мне так спокойно, когда ты рядом, и никого в целом свете не надо!

Он молча потряс головой, внезапно потеряв способность говорить, и сделал неловкую попытку освободиться, но не смог отвести от себя обнимающих рук. Его глаза с недавних пор стали замечать то, что видеть было рискованно: из неуклюжего подростка она превращалась в обольстительную женщину. И хотя она приходилась ему приемной дочерью и единокровной сестрой, носила его фамилию и отчество и даже иногда по детской привычке называла его папой, это почти ничего не значило душной июньской ночью.

Если бы он мог позволить себе забыть об этом родстве! В мучительно правдоподобных снах, куда она пробиралась вопреки его воле, он жадно ловил каждое ее движение, каждое слово. То, как она поправляет выбившуюся из прически прядь. Или подсмотренным в кино жестом подает ему руку, выходя из машины. Или роняет полотенце перед тем, как прыгнуть в бассейн. Или, не дождавшись его возвращения, засыпает в глубоком кресле в кабинете, подложив под щеку обе ладони, и он, затаив дыхание, смотрит и все не может насмотреться. А потом уносит ее в спальню по извилистому коридору, и она доверчиво улыбается сквозь сон: «Ты уже пришел, Илюша. Прости, я задремала». Он знает, что надо быть осторожным и вни-

мательным, и представляет, как станет вбирать губами тепло ее кожи, вдыхать запах волос. Как с рассветом проснется рядом, завоевавший, как король, и плененный, как раб.

Наутро, разбуженный истошным звоном будильника, он стирал эти сны, как испарину со лба, и с горечью напоминал себе, что эта девушка – запретный плод, его наказание и гибель.

Коварная Соня, прищуриив глаза, придвинулась ближе, словно уловила легкий ветерок его растерянности и сомнений.

– Не торопись, Илюша. Все равно ночь почти закончилась.

«Наконец-то! – возликовал его внутренний искуситель, потирая влажные ладони. – Время пришло! Она станет твоей. Сейчас или никогда! Никто не сможет любить ее больше, никто не позаботится о ней лучше тебя!» Банальности были так бессовестно похожи на правду, что Илья, привыкший в быту и на работе пользоваться штампами, готов был принять их за чистую монету. А ничего не подозревающая Соня удобнее устроилась на его плече.

– Помнишь, я зимой рассказывала тебе о Саше?

«Возьми ее прямо сейчас. Разве не об этом она просит? Никто не узнает, все еще спят».

– Саша? Да-да, Саша. И что с ним?

Он видел неровную стрелку пробора в ее темных волосах и хрупкое плечо с соскользнувшей бретелькой сорочки.

«Она создана для тебя! Ты столько раз представлял, как это случится!» Илья сопротивлялся и отчаянно искал безопасный объект для внимания, но она простодушно овладевала его мыслями, взглядом, ладонью. Он на минуту сосредоточился на стене с семейными портретами напротив кровати, но вскоре, как стрелка компаса, вернулся к округлому бедру под красным шелком.

– Только не сердись, ладно? – Вкрадчивый голос стих, дожидаясь в ответ хотя бы кивка. – Он хотел меня поцеловать. И я ему разрешила. Илюша, это было так странно...

Какой-то прыщавый юнец, одержимый гормонами, – и его Соня! Он захотел, и она разрешила! Для большинства все так просто – протянуть руку и взять. А ему запрещено даже мечтать! Он обречен похоронить свое желание под грузом вековой морали.

– Ты помнишь, как в первый раз целовался?

И хотя ее вопрос требовал ответа, она не стала дожидаться, когда он заговорит, и заспешила дальше в своем рассказе, а он стиснул зубы в бессильной ярости и собрал в кулак край простыни. Ему не позволено ревновать девочку, которую он вырастил, как собственную дочь, и невозможно не ревновать женщину, которую он желает!

Длинные Сонины волосы, тонко пахнущие жасмином, красно-золотыми нитями поблескивали в свете ночника, задумчивые пальцы перебирали пуговицы на его рубашке, и эти легкие касания отдавались в нем покалыванием тысяч иголок.

Недавно ему исполнилось сорок три. Он был женат на неглупой и красивой женщине, которая подарила ему двоих детей. Дочь Марина, самоуверенная и властная, заканчивала учебу в Англии и вскоре должна была вернуться домой дипломированным экономистом. Сына Левушку родители послали в Австрию овладевать тонкостями юриспруденции, подальше от военкомата и бездумных развлечений в компании молодых повес. И хотя старшие дети еще не были вполне самостоятельными, их судьба не вызывала у него беспокойства.

Другое дело Соня. Самая младшая, самая любимая. Он никогда не заглядывался на вертихвосток, подобно его ровесникам, успевшим за разрушительную смутную пятилетку, названную созидательным словом «перестройка», неоднократно развестись и снова жениться на едва оперившихся девчонках. А он тянул лямку бизнеса и не особенно жаловал юных секретарш и фотомоделей. В короткие часы отдыха его навещали знающие себе цену взрослые женщины, которых хотелось не любить, а иметь в своей коллекции. И только Соня, почти дитя, в свой

десятый школьный год пробудила в нем не просто желание, но чувства, похороненные на долгие годы.

В последнее время они виделись редко, иначе близкие давно бы заметили, какими глазами он следит за своей воспитанницей. Осознавала ли сама Соня произошедшие в них обоих перемены? Она, как прежде, по-детски льнула к нему и с восторгом ловила каждое его слово. Когда он возвращался домой в урочное время, она проскальзывала в его кабинет с рассказами о прошедшем дне и не хотела засыпать, пока он не пожелает ей доброй ночи. За порогом ее спальни Илья все чаще вздыхал о том, как жестоко обходится с ним жизнь, соблазняя не родственными чувствами к этой девочке.

Сонин рассказ о мальчишке, с которым она целовалась, вызвал в нем болезненную вспышку собственничества. Невозможно было одновременно контролировать свои руки, готовые в любую секунду выйти из повиновения и сжать в объятиях доверчиво прильнувшую к нему девушку, и напоминать себе, что, когда она договорит, он выйдет за дверь и проведет остаток ночи с мыслями о несбыточном.

– Но я думаю, что никого не сумею полюбить, как тебя. – Нехитрое признание без труда пробило брешь в старательно возводимой им крепостной стене. – Илюша, ты слушаешь меня? Ты не со мной?

Он отчаянно пытался собраться с мыслями, когда удивленная его молчанием Соня заглянула ему в лицо. А он был настолько с ней, что признаться в этом не мог даже себе. Мучимый стыдом и вожделием, он подозревал, что сейчас она обо всем догадается и с отвращением оттолкнет его. Но она встретила его лихорадочный взгляд и придвинулась так близко, что он губами мог поймать ее вздох, услышать взволнованный стук сердца.

– Ты ведь тоже любишь меня?

– Конечно.

Ее заговорщицкий шепот был похож на игру. Илья натянутой улыбкой и отеческим взглядом попробовал вернуть им прежние отношения отца и дочери, но Соня покачала головой, отмечая шутливый тон. Она искала в его лице ответное чувство, и в глубине ее возбужденно блестящих зрачков, уже не таясь, светилась надежда.

– Как женщину?

– Софья, что за ребячество! Это противоестественно!

Он с безрассудством грешника выдал свои сокровенные мысли и теперь уже всерьез испугался и вновь сделал попытку отвести ее руки.

– Любовь не бывает противоестественной! – выкрикнула она в запале.

Ночник мягкой кистью света обвел его профиль, сгладил твердую линию рта и прорезавшие лоб морщины. Соня смотрела во все глаза, как сильный мужчина подыскивал слова, чтобы раз и навсегда поставить точку в обсуждении этой темы. Но слова не нашлись.

– Что ты читаешь? – после затянувшейся паузы невпопад спросил он, уводя разговор от бездонной пропасти, и Соня неожиданно залилась краской.

Толстая книжка в самодельном переплете лежала корешком к кровати, и Илье удалось прочесть кривовато наклеенное имя автора. Генри Миллер.

– Это «Тропик Рака». Одна из самых скандальных книг двадцатого века. – Девушка раскрыла грубый переплет и несколько секунд водила пальцем над строчками, словно искала и не находила опровержение сложившейся репутации романа. – Тебе такое не понравится.

Ее самоуверенное заключение напомнило Илье, что он почти ничего не знает о выросшей Соне. Чем она живет изо дня в день? Что читает? С кем дружит за пределами дома?

– Что там? Грязь и наркотики?

– Как тебе сказать, – уклонилась от ответа вчерашняя школьница и опустила голову.

– Черт возьми, Софья, где ты берешь такую мерзость?! И куда смотрит Роза? В доме пылится целая библиотека, а ты читаешь черт знает что! – Илья выдернул книгу из Сониных

пальцев и швырнул об пол, вымещая на гадкой книжонке свою тоску и бессилие. – Если я еще раз увижу!..

– Это всего лишь чужие мысли на бумаге! – Соня рванулась, чтобы поднять раскрывшийся при падении «Тропик Рака». – Дикарь! Тебя в детстве не учили обращаться с книгами?!

– Замолчи!

Он попытался вразумить ее строгим окриком, но натолкнулся на отчаянное сопротивление взбунтовавшейся девчонки и живо представил, как на шум сбегутся домочадцы, и бог весть что подумают, обнаружив его в Сониной кровати.

– Разве книга виновата?

– Перестань орать, как на пожаре!

– Если ты зол на меня, так и скажи! Не надо вымещать раздражение на моих вещах!

– При чем тут твои вещи!

– Думаешь, я не понимаю? Ты взбесился, потому что испугался правды! Потому что не смеешь...

С лицом разъяренной фурии она оттолкнула его и не закончила фразу, но он прекрасно понял, о чем речь.

– Заткнись, я сказал!

В последний миг он еле сдержался, чтобы не влечь ей отрезвляющую пощечину. Но Соня, верно угадавшая его порыв, отшатнулась и инстинктивно закрылась локтем.

– Ты не посмеешь ударить меня! Убирайся!

– Ты мне приказываешь?

– Тогда я уйду сама!

Она подтянула вверх сползающую с груди сорочку и попыталась сбежать с поля битвы. Но он не мог позволить ей разнести скандал по дому.

– Софья, остановись!

Злость на девчонку, рискнувшую помериться с ним силой, полыхнула, как костер на ветру. Позабыв о последствиях, Илья бросил невесомое тело на середину кровати и подмял под себя.

– Убирайся! Не трогай! – Она забилась, как птица в силке, и в следующий миг запричитала: – Пусти! Мне больно.

Он с запозданием осознал, что в пылу борьбы оказался в nepозволительной близости. И, неотвратимо погружаясь в грозную глубину ее глаз, в следующую минуту утратил контроль, прижался губами к губам, принялся целовать ее ресницы, виски, щеки, не желая вспоминать, что назад дороги не будет, что каждое прикосновение становится непоправимым. И когда нетерпеливые пальцы потянули вниз эфемерную ткань, и поцелуи спустились по выгнутой шее к плечу, Соня испугалась, зашептала запоздалое «нет, что ты!», но в следующую минуту прижала к себе его голову и закрыла глаза, следуя за соловьиным безумием ночи. Она трепетала, как листья под ветром, и он словно наяву попал в свой сон, где всегда был осторожным, первым и единственным, тем самым, о ком она мечтала и кого станет любить и желать всегда. Сквозь марево страсти до него доносился ее шепот.

– Милый мой, любимый, чего ты ждешь!..

Его руки все еще комкали красный шелк, но осознание неизбежного краха прорывалось сквозь сплошную огненную пелену и медленно возвращало в тишину уснувшего дома.

– Возьми меня, – молила Соня, и Илья в смятении замер над ней, как хищная птица перед стремительным падением с высоты.

Магия ночи раскололась надвое и исчезла с первым лучом солнца, проникшего сквозь щель в шторах. «Не сегодня, – насмешливо хихикнул жестокий бес. – Ты ведь чуть не сделал это!» Мужчина зажмурился, ослепленный болью в груди, и краем одеяла прикрыл Сонину наготу.

– Илья?..

– Я не могу. Мы не можем.

«Но стоит ей только попросить, просто обнять, и ты снова окажешься на пороге своего рая. Или ада?» Илья отодвинулся и в бессильной злобе на себя и на весь мир стиснул кулаки.

– Бедный мой! – Она вернула сорочку на место и протянула руку, чтобы прикоснуться к нему, но не посмела и только посмотрела с горечью и сожалением. – Я столько раз представляла, что ты не мой брат. Что однажды ты придешь и станешь меня ласкать и целовать, как сейчас. – Он сжался, не желая снова отдаться во власть ее голоса и дать волю чувствам и рукам. – Что бы ни случилось, я буду тебя любить. И если когда-нибудь мне встретится мужчина, похожий на тебя...

В свои семнадцать она витала в облаках и ждала принца, пока ее ровесницы меняли партнеров и знали о сексе больше, чем их родители. Он разрушил хрустальный мир ее чувств, и теперь она готова была по-книжному пожертвовать собой во имя его спокойствия и благополучия. Он мысленно проклял себя и за опрометчивые поцелуи, и за то, что не пошел дальше поцелуев.

– Иди, Илюша! – попросила девушка и вытерла тыльной стороной ладони льющиеся по щекам слезы.

Он повиновался, как провинившийся пес, поднял с пола книжку с загнутыми страницами, расправил их и бережно положил скандальные признания Миллера в изголовье ее кровати.

– Спокойной ночи, Соня!

Она кивнула, сдерживая рыдания, и в закрывающуюся дверь он увидел, как она прижимает к груди злополучный «Тропик Рака», а упавшие на лицо волосы не могут скрыть ее безутешные слезы. И впервые в жизни у него не хватило мужества и мудрости быть ей отцом.

До того, как перебраться всей семьей в Москву, они прожили в этом городе за Уральскими горами почти двенадцать лет. Там у Розы все еще оставались подруги молодости, у Сони – смутные воспоминания детства, а у самого господина Билецкого – градообразующий комбинат, который и заложил основу интенсивно растущего бизнеса. Помимо комбината в далекой Сибири на него трудились полтора десятка заводов помельче, но комбинат был первой ласточкой и вызывал у президента холдинга особые чувства.

В этот раз Илья ехал на производство с проверкой. Грядущая реструктуризация требовала его личного присутствия. Заместителям, менеджерам среднего звена и прочей шушере он мог верить лишь до определенной черты. А доверял только себе. Команда европейских консультантов три месяца трудилась над рекомендациями, и перед тем, как вынести вопрос о реструктуризации на совет директоров, ему нужно было самому познакомиться с обстановкой, царящей в цехах, в конторе и в городе. Он рассчитывал на поддержку из-за границы и, несмотря на проблемы со здоровьем, которые периодически давали о себе знать, предпочитал вникать во все серьезные вопросы, не оставляя прощелыгам всех мастей ни единого шанса нагреть руки на его бизнесе.

Роза, конечно, увязалась за ним не по велению сердца. Во-первых, у одной из ее подружек, которых он уже много лет на дух не выносил, намечался юбилей. Очередное двадцатипятилетие, которое не могла пропустить его жена. А во-вторых, их семейная жизнь в последнее время не выдерживала никакой критики. Илья без малейших угрызений совести тратил редкие свободные часы на женщин, слетающихся на его финансовые успехи, как лесные птицы к зимней кормушке. Он не афишировал свои похождения, но и не делал из них тайны, и неглупая Роза изредка для проформы устраивала ему скандалы, не выходя за рамки приличий. Неделю назад она заехала в офис и обнаружила в комнате отдыха на задворках его кабинета дорогое дамское белье в шикарной упаковке на три размера меньше ее собственного, и предположила, что его обладательница жаждет сопровождать ее мужа в долгой командировке. В ее мире было

много печальных примеров, когда его приятели, взлетевшие до финансовых или политических высот, меняли проверенных жен на длинноногих манекенщиц и секретарш. Роза была умна и практична и не могла позволить своей семье плыть по течению непредсказуемых желаний мужа. Ее целью было обеспечить себе и детям безбедное будущее, а достижение этой цели требовало сохранения стабильности порядком надоевшего брака. Она злилась на мужа, но утешалась тем, что жертвует собой ради детей. Иначе, что бы еще заставило ее оставаться рядом с человеком, который манкировал супружескими обязанностями, отдыхая в объятиях художочных шлюх?

Самолет неуклюже оторвался от земли и, взмыв над аэродромом, начал набирать высоту. Если Илья и обратил внимание на неаккуратность взлета, то виду не подал, а Роза недовольно качнула головой и посмотрела на побледневшую Соню, которую затошнило от нарастающего гула двигателей и вида ушедшей вниз земли. Растянутый кем-то очень толстым, Сонин ремень безопасности мертвой змеей лежал на ее коленях.

– Сколько нам лететь? – спросила она у брата.

– Долго. – Он сосредоточенно листал толстую папку с бумагами. – Успеешь поспать.

– Не люблю самолеты. – Девушка демонстративно вздохнула и взялась заплетать кончик косы. – Меня укачивает.

– Съешь конфету. Вызови стюардессу, она принесет, – рассеянно предложил Илья, не отрываясь от документов, и она с укором покосилась на его сосредоточенный профиль и снова нарочито громко вздохнула.

– Не хочу конфету. Посмотри, какие облака!

– Софья! – Илья на секунду перевел на нее отсутствующий взгляд и снова уткнулся в бумаги. – Я все еще занят.

Но Соня поспешила продеть руку под его локоть, радуясь уже тому, что смогла привлечь внимание брата.

– Успеешь еще поработать. А пока можешь немного расслабиться. Поговори со мной.

– Я не могу расслабиться, будто ты не понимаешь. – Он быстро потерял терпение от ее упрямой назойливости. – Почитай что-нибудь, послушай музыку. Главное, не лезь ко мне с глупостями. Иначе я пересяду.

– Да, пожалуйста, я тебя не держу!

Соня шмыгнула носом и обиженно отвернулась. Подсвеченные алым облака, покрывающие небо до самого горизонта, в тот момент показались ей нестерпимо приторными, как сахарная вата. Лучшим выходом было уснуть, чтобы не видеть ни однообразного пейзажа за окном, ни соседа слева, уткнувшегося в свою папку.

В кресле напротив Роза с ручкой в руке листала модный журнал. Соня краем глаза заглянула в бумаги Ильи, увидела колонку цифр в обрамлении сплошного текста и поморщилась. Работа, только работа – жена и любовница в одном лице.

Услужливая стюардесса предложила ей соки и алкоголь. Соня с удовольствием пропустила бы стаканчик французской шипучки, просто так, назло брату, но попросить не рискнула.

Илья потребовал коньяк и кофе и с вожделием посмотрел куда-то в район соблазнительных коленей бортпроводницы. Соня с досадой закрыла глаза, проклиная самолеты и улыбочивых длинноногих красавиц, которые так и рвались ему угодить. А еще через десять минут, мучимая ревностью и обидой, она задремала, и ее голова невольно склонилась к брату на плечо. Он повернулся, чтобы сообщить, что работает и не может поддерживать светскую болтовню, но она безмятежно спала, по-детски приоткрыв рот.

Роза все еще листала журнал, иллюминатор был намертво заклеен белой пеленой облаков, и Илья опустил ниже в своем кресле, подставив девушке плечо, закрылся финансовым отчетом и предался мыслям, которые в присутствии Розы казались особенно порочными. Мыслям о спящей рядом Соне.

Глава 1. Намерение жениться

Врачи настойчиво рекомендовали Илье не злоупотреблять алкоголем. Но при том обилии спиртного и закуски, которое было выставлено к ужину, удержаться и не пропустить пару рюмочек не представлялось возможным. А там и третью, и пошло-поехало.

Николай Кондратьев, не сдерживаемый медицинскими противопоказаниями, напился стремительно, хотя и убеждал себя, что держит ситуацию под контролем. А вот его недавний пациент обязан соблюдать строжайшую диету в отношении алкоголя. И, кстати, в отношении женщин. Особенно в отношении женщин. Если, конечно, не торопится умереть в чужой постели, оставив безутешную вдову и двоих вполне самостоятельных детей. Но, судя по размаху планов, бурно обсужденных час назад не без содействия французского коньяка, ему еще жить да жить. Пожалуй, и двух жизней не хватит. Хотя у господина Билецкого есть, кому передать месторождения, заводы и офисы. А у него совсем никого. И передавать нечего. Ни докторскую степень, ни кафедру, ни высокую должность в клинике в завещание не внесешь. А двухкомнатная квартира... Да и шут с ней! Пусть государство, которое не может обеспечить врачу с мировым именем достойного существования, подавится своей жалкой недвижимостью.

Вот Илья живет на всю катушку. Где у него резиденция? В Цюрихе, кажется, или в Женеве? Теперь уже и не вспомнить. Но если посмотреть с другой стороны: дело огромное, а мотор барахлит. Полтора года назад прямо на комбинате Илью так зацепило, что думали: не успеет напоследок с семьей повидаться. Засуетились шустрые адвокаты, из Москвы прилетели стервятники-партнеры. Но мужик оказался цепкий. Хотел им всем что-то доказать. И тут подвернулся Николай Николаевич Кондратьев – известный профессор, а здесь, в глубинке, так и вовсе звезда первой величины.

Этого пациента профессор Кондратьев оперировал сам. Случай был не особенно сложный, но запущенный, потому что бизнесмен лечиться не умел и не любил. Но в прятки со смертью не поиграешь. Время было на исходе, и под нож пришлось ложиться экстренно.

Они сдружились как-то сразу. Так бывает:ходишь в палату к почти незнакомому человеку, здороваешься, садишься напротив: «Как самочувствие, голубчик? Как спалось в нашем люксе?» И вдруг понимаешь, что этот человек – свой. В глубине души разливается странное волнение. Ищешь ответ глазами, вслушиваешься в незначительное, случайно оброненное слово. Но нет никакого объяснения, просто знаешь, свой – и точка!

И надо же было совпасть сразу нескольким случайностям: они одногодки, оба родились в Киеве и к середине жизни перебрались в Сибирь. Один ехал лечить, другой – строить и руководить. У одного с собой были золотые руки, к другому золото потекло рекой. Доктор полмира объехал. Конференции, форумы, университеты. А к президенту холдинга иностранные партнеры через секретаршу на прием записывались.

И вот теперь они втроем с «Наполеоном» сидят в его особняке, где комнат, как в Эрмитаже, не счесть, и говорят без умолку. Как мальчишки. Словно нет у каждого за спиной почти пятидесятилетнего груза.

– Пожалуй, мне уже пора, – взглянув на старые «командирские» часы, Николай сделал безуспешную попытку встать.

– Хорошо, что встретились, Коля. А то я все в разъездах. Может, чаю? – снова вспомнил о гостеприимстве Ильи и, не позволив доктору опомниться и завершить вечер вежливым отказом, позвал куда-то в темноту коридора: – Соня, подай нам чаю!

Николай обернулся к двери, уверенный, что в доме они весь вечер были одни. И тогда словно по мановению волшебной палочки вдалеке появилась таинственная незнакомка, будто давно ждала за дверью с подносом в руках. Над тонкими фарфоровыми чашками поднимался серебристой струйкой пар, в такт шагам мелодично звякала серебряная ложечка, и ажурное

блюдец вспыхивало влажными кружками лимона. Соня неспешно двигалась вдоль стола, но ее образ не становился четче. «Похоже, коварный французишко „Наполеон“ вступает в битву с грубой материей, – подумал заинтригованный гость. – Этакое химическое Ватерлоо».

Казалось, невысокая Соня вся состояла из длинных штрихов. Стройные колени были целомудренно прикрыты светло-серой юбкой, длинные пальцы сжимали края подноса, за плечами в такт шагам покачивались черные косы. В наше-то время – косы?

Она приблизилась, бросила на хозяина вопросительный взгляд и, расценив его короткий кивок, как одобрение, наклонилась к гостю с вопросом:

– Вам чаю с сахаром?

Он поспешил кивнуть, глядя на нее во все глаза, словно замороженный. Сонины ресницы трепетали диковинными бабочками, шея плавно изогнулась, а изящная золотая цепочка с маленьким жемчужным кулоном почти коснулась белоснежной скатерти. Вдоль щеки скользнула вьющаяся пружинкой прядь. Девушка привычным жестом заправила ее за ухо и выпрямилась, устремив взгляд мимо доктора на Илью. Тот подбородком указал на гостя, и Соня опять повернулась к нему.

– Лимон?

– Да, – охрипшим от волнения голосом согласился профессор, но вовремя спохватился: – То есть, нет, спасибо.

Соня покосилась на хозяина дома, убрала руки за спину и застыла неподвижной статуей возле стола.

– Иди к себе, – милостиво позволил тот, и девушка, прихватив поднос, направилась к выходу, провожаемая взглядами обоих мужчин.

Едва она скрылась за дверью, изрядно набравшийся Николай возбужденно заерзал в кресле.

– И каково завалить такую?..

Серебряная ложечка хозяина вызывающе громко звякнула о фарфор и соскользнула с края блюда на скатерть. Илья, обжигаясь, громко отхлебнул из чашки.

– Забудь. Не твоего поля ягода.

Николай понимал всю абсурдность своих притязаний, но притормозить не мог. В его одурманенной голове никак не складывался четкий образ девушки. Вся она, похожая на незаконченный рисунок мастера далекой эпохи, была написана одними штрихами. Легкий набросок, игра теней. Возможно, на трезвую голову он бы и не взглянул в ее сторону. Но когда еще его голова протрезвеет.

– Разве она твоя собственность? – Он осекся, поймав в ответ хмурый взгляд, и вдруг почти смиренно попросил: – Тогда одолжи. Просто поделись. Чего тебе стоит!

Хозяин дома с мрачным видом теребил браслет часов и делал вид, что не слышит. Да и кто в наше время чтит законы гостеприимства? Вот, помнится, когда профессор ездил на конференцию в Тбилиси лет десять назад...

– А знаешь, – после затянувшейся паузы заговорил Илья и извлек из пухлого портмоне фотографию, на которой на фоне сине-белых гор вызывающе улыбалась загорелая рыжеволосая девушка. – У меня есть дочь. Да, у нее непростой характер, но она славная девочка.

Николай подался вперед и наклонился над снимком, чтобы уважить хозяина. Девушка показалась ему симпатичной. У нее было сильное тело и задорные глаза. Но симпатичных девушек он повидал немало, а такой, которая несколько минут назад заходила в комнату, не встречал даже во сне.

– А что же эта Соня? Ты с ней спишь? Тебе ведь надо быть осторожным с женщинами, – дружески подчеркнул он, расставляя неуместные акценты: «я – врач, ты – больной».

Илья все еще держал за уголок фотографию, надеясь увести пьяные фантазии гостя подальше от запретной темы.

– К Маринке сватаются завидные женихи. И приданое у нее по самым скромным подсчетам...

– Да я верю, верю, – отмахнулся Николай. – Но эта...

Несколько секунд Илья смотрел на него в упор, а потом откинулся в кресле, скрестил руки на груди, словно готовился к длительной обороне, и понизил голос.

– Не знаю, что ты там надумал, но Соня – моя сестра.

– Да брось! А то я не вижу! – Николай вздернул обросший к вечеру подбородок и растянул губы в понимающей усмешке, но, натолкнувшись на вспыхнувший взгляд Ильи, невольно начал трезветь. – Она? Ей же лет всего ничего.

– Уже двадцать два, – сквозь зубы процедил хозяин дома. – Но для меня она еще ребенок.

– Извини, я идиот! – Взъерошив обильно приправленную сединой шевелюру, профессор на минуту задумался. – Ладно, будь по-твоему. Я женюсь на твоей Соне.

Он не понял, что случилось в следующий миг в пьяной идиллии вечера. Илья вскинул вверх ладони, как протестующий Иов, и взорвался яростным криком. Слова били из него подобно нефтяному фонтану.

– Свою Соню я никогда и никому не отдам! – Николай пропустил ударение на слове «свою» и не понял, кого Илья подразумевает под «никому», но следить за ассоциациями хозяйина у него не было времени. – Она – мое сокровище!

– Да никто и не говорит, – попробовал вразумить его гость, но Илья, всегда такой холодный и выдержанный, в эту минуту не был способен слушать.

– Я растил Соню с рождения. Я поклялся нашей матери на смертном одре, что буду заботиться о девочке до конца своих дней. Она мне дороже всего в этой жизни.

– Тише, тебе нельзя волноваться! И она услышит!

Последний аргумент возымел свое действие. Илья умолк, как-то весь опал в кресле, словно проколотый воздушный шар, и, тяжело дыша, полез в карман за платком. Профессор, еще не протрезвевший, но уже обнаруживший в себе новые доводы в пользу внезапного желания жениться, ждал удобного момента. Наконец, хозяин, прижимая платок ко лбу, выровнял дыхание и прикрыл глаза. Николай начал свой монолог, обдумывая каждое слово.

– Я давно живу один. У меня нет ни кошки, ни собаки, и когда я однажды не встану с кровати, никто не заплачет на моих похоронах. – Он кривил душой, потому что были и Лида, и Сережка, и боевые подруги, и друзья-приятели, но в тот момент это было не так уж важно. – Нет, о похоронах мне задумываться пока рано. Только сейчас я понял, насколько хочу жить! Я устал от перемены баб. Они приходят и уходят, но ничего не меняется ни вокруг, ни во мне самом. Мне нужно о ком-то заботиться, потому что в пустой квартире наедине с холодильником, телевизором и со своим отражением в зеркале я начинаю звереть. Не знаю, что случилось, когда вошла она... Соня. Даже звук ее имени показался мне долгожданным. Может, это и есть любовь с первого взгляда? Хотя я всю жизнь смеялся над этой сентиментальной чепухой. – Илья взмахнул рукой и поморщился, пытаясь остановить исповедальный бред гостя, но в заключение своей сумбурной речи Николай неожиданно подпустил просительных интонаций: – Прошу, отдай за меня Соню. Я буду носить ее на руках до конца жизни.

Хозяин хмурился, но чувствовалось, что его гнев схлынул. Позволив Николаю выговориться, он попытался сгладить негативное впечатление от вспышки ярости, которую не смог сдержать.

– Я зря завелся, Коля. Ты всего не знаешь и, надеюсь, не узнаешь. Но Соня – особенный человек в моей жизни. Так что без обид.

– Все, я понял.

Николай стремительно перешел от вдохновения к отчаянию и заключил про себя, что его речь оказалась напрасным сотрясением воздуха. Но воспоминание о девушке возвращалось

снова и снова, и он путался в мыслях и неуверенно прокашлялся, хотя подозревал, что уже ничем не рискует.

– Позови ее еще раз. Пожалуйста.

Собеседник, снова взявшийся за недопитый чай, ждал подвоха, но Николай голубыми глазами младенца смотрел ему в лицо. Хозяин бережно вернул чашку на блюдце и выкрикнул в темноту коридора:

– Соня, зайди к нам.

Через мгновение она снова приблизилась, глядя куда-то вдаль поверх профессорской головы с благородной сединой. И опять ее образ не сложился в единое целое: глаза, плечи, щиколотки. Может быть, немного добавилось полутонов: глаза темно-серые, как грозовое небо, бархатистая кожа, мерцающее колечко с синей искрой на безымянном пальце левой руки.

– Побудь немного с нами.

В голосе Ильи звучала скрытая нежность, и девушка, ожидающая новых распоряжений, растерянно вскинула брови, но повиновалась и опустилась на стул. Прямая спина, чуть наклоненная шея. Вся спокойствие и покорность. Дорогая статуэтка. И только тонкие нервные пальцы, лежащие на коленях, приглаживали подол юбки.

– Соня, я рассказывал тебе о Николае Николаевиче.

Соня взмахнула ресницами в сторону профессора и кивнула, как примерная школьница, неизвестно за какую провинность вызванная в кабинет директора.

– Ты ему приглянулась.

Такое старомодное слово «приглянулась». Слово не было криков и ярости, наполнивших комнату до краев. Бледные скулы Сони залил румянец. Она бросила на гостя быстрый и, как показалось, осуждающий взгляд, и Николая окатила ледяная волна паники. Что если она поднимется и уйдет...

Но Соня не ушла, а с вопросом в глазах повернулась к брату. Илья с невинным видом рассматривал замысловатый рисунок на фарфоровом боку чашки.

– Илья? – негромко окликнула его Соня. – Ты что-то хотел мне сказать?

– Я? – с наигранным удивлением переспросил тот.

– Ты позвал меня.

– Да. – Недовольный собой и нелепостью ситуации, он повертел в пальцах чашку и, не поднимая глаз, начал грубо ковать цепочку из слов. – Дело в том, Соня... Я понимаю, что это прозвучит неожиданно. В общем, только что Николай попросил твоей руки.

– Что попросил? – Она чуть заметно наклонилась к брату и наморщила лоб. – Я не поняла.

– Что непонятного, Софья? Он хочет жениться на тебе, – с плохо скрытым раздражением повторил хозяин.

– Но ведь он, – Соня испытывала большую неловкость оттого, что начала говорить о госте в третьем лице, – Николай Николаевич совсем меня не знает.

– Для него это не препятствие, как я понял.

Николай в подтверждение его слов кивнул и с дружелюбием лабрадора улыбнулся обоим.

– Это шутка? – переспросила она и попыталась улыбнуться в ответ, но улыбка получилась вымученной и растерянной. – Но почему я?..

– Софья! – Илья, теряя терпение, рассердился на себя за этот фарс, на Соню, которая никак не желала войти в его и так непростое положение, и на Николая, который спровоцировал весь этот театр абсурда. – Никто не намерен шутить. И речь не идет о том, что ты должна сейчас же выйти замуж. Мы говорили о твоём будущем.

– Я все равно не могу понять. – Теперь она уже напрямую обратилась к Николаю, и он в замешательстве заметил слезы на ее ресницах. – Вы говорили обо мне, как будто я...

– Сонечка, я и в мыслях не держал вас обидеть!

– Софья, прекрати изображать драму на пустом месте! Лично я считаю, что твое время еще не пришло!

– Она может сказать за себя сама, – опрометчиво встрял Николай и тут же осекся под грозным взглядом хозяина.

– Вам, Софья Ильинична, пока еще некуда торопиться, – со злой иронией продолжил начатую мысль Илья, словно это она просилась замуж, а не ее торговали, как невольницу на восточном рынке. – Семейная жизнь нисколько не похожа на чтение романов о любви. Успеешь еще наиграться. – И, поймав гневное движение ее бровей, стукнул кулаком по подлокотнику: – И довольно об этом!

«Боже мой! – прозрел Николай. – Мы говорим о женщине, словно она скаковая лошадь. Но разве не ей решать?»

– Соня долгие годы была больна, – будто отвечая на его незаданный вопрос, произнес Илья, взглядом удерживая сестру от вступления в дискуссию. – Люди, которых она чаще всего видела в детстве, – это врачи.

Румянец на ее щеках так же быстро сменился бледностью. Очевидно, ее задела неуместная откровенность брата. Но, к изумлению гостя, она продолжала молчать, ни единым жестом не выдавая своих чувств.

– Я позаботился, чтобы она побывала в лучших клиниках Европы. Ее смотрели высококлассные специалисты. Семь лет назад ее оперировали в Германии. Ей прописан хороший климат и правильное питание. И, слава богу, я могу дать ей все, что требуется. Доктора говорят, что надо исключить из ее жизни стрессы и нагрузки. И никаких детей. Скажи на милость, кто еще сможет обеспечить ей достойный уход и содержание? Кто?

В его словах слышался почти крик отчаяния.

– Ну, что ты, милый!

Соня наклонилась через стол и слегка сжала его запястье, но, поймав на себе заинтересованный взгляд гостя, распрямилась и снова опустила глаза в пол.

«Только и всего? – с облегчением подумал Николай, стараясь сдержать нежданную дурацкую ухмылку. – Да ты, мой друг, забыл, что через мои руки в день проходят десятки больных. А сколько их было за всю жизнь...»

– И все-таки, – сказал Николай, и Сонины пальцы замерли, обхватив колени, а плечи окаменели в ожидании следующей реплики. – Я все сделаю. Я знаю как.

Вместо вразумительной фразы у профессора вырвалась какая-то щенячья бравада, и его собеседник выжидательно поднял бровь. Брат с сестрой знали что-то тайное, что ускользало от гостя. Нить разговора почти зримо таяла в тишине, как сахарная вата на ярком солнце. Только что они о чем-то говорили, спорили, это было важно для всех. И в следующую минуту профессор не смог вспомнить, почему это было важно. Кажется, они с Ильей здорово набрались. Потом появилась девушка. Потом... Что же случилось потом?

Илья первым вышел из оцепенения, снова потянул из кармана носовой платок, чтобы вытереть залитое потом лицо.

«Вот оно!» – вспыхнул еще один аргумент в голове Николая. И он с удовлетворением понял, что эти нерожденные пока слова решат их с Соней судьбу. Но, сдерживая надежду, он начал свой монолог издалека.

– Мне было тридцать пять, когда от меня ушла жена. А когда мы поженились, нам было всего по двадцать. Знаешь, как это бывает. Молодые и глупые. Неопытные, – извиняющимся тоном поправился он, взглянув на Соню. – То есть, я глупый, а она – опытная. У нее уже был малыш. Ребенок только родился, и я всю жизнь считал его сыном. А она хотела привязать себя ко мне еще одним ребенком. – Профессор не хотел называть имя бывшей жены, чтобы не приводить ее в эту комнату, – Да-да, – отвечая на немой вопрос двух пар глаз, подтвердил доктор и нахмурился. – Не меня к себе, а себя ко мне. Ей нужен был ребенок от меня. Так

она собиралась сохранить семью, хотела доказать себе, что любит меня. Мы оба знали, что это неправда. Мы были хорошими друзьями и любовниками. И никогда – семьей. Ей было тяжело одной с мальчишкой, и тут подвернулся я, восторженно-влюбленный и слепой, как крот. Пять лет мы потратили на то, чтобы сделать ей ребенка, а еще через десять она ушла к другому и родила ему двойню. Прелестные девчушки. Я не в обиде на нее. Она и так ждала слишком долго. Наверное, из-за Сережки. Он до сих пор называет меня отцом.

Николай умолк, полагая, что раскрыл карты, и теперь Илья позволит ему быть с Соней до конца его одинокой и неприкаянной жизни. Но две пары глаз все еще держали его на мушке, и он спохватился, что вслух так и не произнес самого главного.

– У меня никогда не будет детей, – на одном дыхании выпалил он, как будто обнажился на людях. – Мы зря старались пять лет. Она была ни в чем не виновата.

Он не заметил, как Илья в упор взглянул на окаменевшую Соню, и та поспешно опустила глаза. Этот обмен взглядами был похож на условный код, непонятный посторонним. Они принадлежали к одной масонской ложе, тайному обществу родных сердец, куда вход чужакам был воспрещен. А он давно уже был одинок. Он забыл, что такое семья. И в его доме не было даже собаки. Даже собаки!

Теплый коньяк обжег язык и горячо заструился по гортани. Николай поморщился, но налил себе следующую рюмку, забыв предложить хозяину дома присоединиться к своему немому тосту.

В гостиной воцарилось молчание, словно все ожидали от него какого-то знака или действия. Но Николаю больше нечего было добавить. Он и так вывернул себя наизнанку ради необъяснимой причуды – получить в жены женщину, которую совсем не знал. И ему отчаянно захотелось поскорее оказаться в своей постели, уснуть и забыть этот вечер и стремительно пролетевшую жизнь. И, что гораздо хуже, захотелось горько и безутешно плакать от жалости к себе, как в детстве, но он забыл, как это – быть ребенком. Он столько всего забыл.

Когда Илья заговорил, Николай уже начал проваливаться в сон, словно в зыбучие пески. Кто-то встряхнул его за плечо, и когда он с трудом разлепил отяжелевшие веки, Сони рядом не было. Он силился спросить о ней, но язык не повиновался, и бессвязные мысли скакали, как твердые каучуковые мячики. Заботливые руки извлекли его из предательского плена кресла и переместили в машину. Отдельными вспышками сменялись застывшие кадры, последний из которых: знакомая комната, которая быстро потускнела и расплылась, чтобы утром принять привычные и ненавистные очертания одинокой берлоги старого холостяка.

Гость был уже на пути домой, когда Илья подошел к Сониной двери, нервным жестом пригладил волосы и постучал. В комнате негромко играла музыка, но он не сразу узнал «Реквием» Моцарта. Не самый веселый аккомпанемент для отхода ко сну. Могла бы послушать что-нибудь полегче, а не изводить себя похоронными мыслями. Он понятия не имел, что его ждало за дверью, и в глубине души страшился этой неизвестности.

В темно-синем кимоно, расшитом замысловатыми жар-птицами, Соня сидела у трюмо, по краям которого были прикреплены фотографии родных. В их компанию затесались и несколько ярких открыток, присланных когда-то Ильей. На одной был изображен замок в Швейцарии, живописно вырастающий прямо из скалы. В подписи на обороте старший брат поздравлял маленькую Соню с днем рождения и обещал убить дракона и завоевать для нее такой же замок, где его любимая девочка сможет чувствовать себя настоящей принцессой. Соня трогала взглядом острые зубцы башен и в задумчивости расплетала косы.

– Готовишься ко сну?

В голосе Ильи звучала нежность и нечто, похожее на раскаяние. Соня кивнула ему в зеркале и взялась за щетку для волос. Он не знал, как приступить к мучительной для обоих теме, а она не делала шагов навстречу. Их разделяло зеркало, и Илья чувствовал себя чуть увереннее, словно разговаривал с собеседником, который находился не в двух шагах, а за тысячи

километров. Но зеркало искажало истинные чувства, тенью пробегающие по ее лицу, и оставляло ее образ не в фокусе, как снимок начинающего фотографа.

Хор мальчиков грянул «*Lacrimosa dies illa*», и Илья теперь уже вслух удивился ее музыкальному выбору:

– Не очень подходящая музыка для окончания вечера. Что у тебя с настроением, девочка?

– Это просто Моцарт, – бесцветным голосом ответила она и через плечо уменьшила пультом звук. – Ты знаешь, что я люблю Моцарта.

В дискуссию о музыке он не стал ввязываться, тем более, что в реальности не представлял ее музыкальных предпочтений. Он решил, что пора переходить от болтовни к серьезным вещам, и не стал церемониться с дипломатическими прелюдиями.

– Для меня его спонтанная идея с женитьбой тоже стала сюрпризом.

– Вот как? И что же?

Она неотступно следила за его зеркальным двойником.

– Возможно, я был излишне резок с тобой. Но я не ожидал, что все так обернется.

Соня задумчиво провела щеткой по волосам и пригладила ладонью волнистую прядь. Илья расценил ее молчание как добрый знак, чтобы продолжить.

– Однако, предложение Николая не лишено определенного смысла.

– Ты хочешь выдать меня за первого встречного?

Она сделала упор на словах «ты хочешь», и он словно очнулся от кошмара. Неужели он готов отдать ее другому мужчине? Ему показалось, что она вот-вот обернется, но Соня сдержала свой порыв, опустила щетку на колени и театральным жестом прикрыла глаза рукой.

– Тебе уже двадцать два, девочка. И вряд ли я найду тебе более достойного жениха.

– А разве это твоя забота – искать мне жениха?

– Я когда-то обещал твоей матери...

– Найти мне мужчину на свой вкус? Не думаю, что мама взяла с тебя такое сомнительное обещание.

– Не дерзи, Софья! – вспылил Илья, сознавая справедливость обвинения. – Ты знаешь, что мы не примем в семью человека с улицы.

– Мы не примем! Позволь тебе заметить, братец, что ты рассуждаешь, как мафиози.

– Я рад, сестрица, что ты наделена богатым воображением и развитым ассоциативным мышлением, – в тон ей ответил Илья. – Вот и обдумай это предложение.

Соня подозревала, что решение уже принято, и весь их разговор – лишь его попытка оправдаться в собственных глазах. Или корректная форма приказа.

– А если я вообще не хочу связывать с кем-то свою жизнь? Брак строится на желании двоих быть вместе и дать жизнь третьему. Но для меня эта дорога закрыта. Так зачем мне вступать в формальные отношения с нелюбимым?

– Чтобы не остаться в конце жизни одной.

– Неизвестно, когда наступит конец. И одиночество меня не пугает. Я лучше многих знаю, что это такое.

– Это означает, что ты ждешь принца, который прискачет к твоей одинокой башне на белом коне и заберет тебя в тридевятое царство?

– А ты хочешь, чтобы у этого мифического принца оказалась целая конюшня автомобилей, недвижимость по всему миру, банковские счета в Швейцарии и пакет акций в нефтяном бизнесе, не так ли? – парировала она и раздраженно сплела пальцы в замок.

– Туше! – Илья с усмешкой признал за ней победу в этом раунде и слегка поклонился, отступая назад, но Соня отмахнулась и отказалась принимать игру. – Ты описала идеальный вариант.

– Давай будем объективны: твой Кондратьев тоже не финансовый воротила и не потомственный баронет в пятнадцатом колене.

– Во всяком случае, он не ездит на мотороллере и не торгует в подворотне контрафактными дисками. – Илья сдвинул брови и кашлянул. – Считай, что Николай Николаевич – это некий компромиссный вариант. Ни тебе, ни мне.

– Ни тебе, ни мне? Между прочим, одному из нас придется с ним жить! Дай угадаю, кто это будет! – возмутилась Соня, пораженная его цинизмом. – Объясни, в чем для меня смысл этой жертвы? Или ради какой выгоды ты жертвуешь мной?

Он не смел задавать себе подобных вопросов. Он решал более простые задачи: не думать о ней, как о женщине, ради которой хочется бросить привычную жизнь и в ее объятиях обрести то, что в юности мыслилось, как счастье. Но вместо этого он должен убедить себя, что этот брак им обоим принесет избавление от сомнений и искушений. И, не найдя достойных аргументов, Илья пересек комнату и оказался за спинкой ее стула.

– Я убежден, что это правильный выбор.

– Твое внутреннее убеждение ничего мне не доказывает. – Она сверкнула глазами и кинула на него уничижительный взгляд в зеркале. – Впрочем, это же твой выбор, не мой!

Ее голос сорвался на крик, и он властно опустил руки ей на плечи.

– Замужество – серьезный шаг, и ты, не скопив достаточного жизненного опыта, не можешь просчитать даже пару ходов вперед. Я помогаю тебе понять...

– Ты знаешь мой выбор не хуже меня.

Она с вызовом встретила его отраженный взгляд, но Илья только нахмурился и покачал головой. На этот счет у него было иное мнение. Он не станет обсуждать с ней события пятилетней давности. Тогда она была совсем еще несмышленищем, и ее первое девическое увлечение поставило под удар всю семью.

– Это была детская игра. А теперь ты выросла, и должна сознавать значимость брака. И если ты постарайся, ты сможешь стать Николаю хорошей женой. Довольно мечтать над глупыми книжками о придуманных героях. Пора начинать жить.

– Ты знаешь, что это не было игрой, – прошептала Соня. – Мне не нужен другой. Он никогда не заменит...

Его пальцы сводило судорогой на ласковом шелке кимоно. Сонино дыхание стало прерывистым, а взгляд подернулся опасной дымкой, и Илья едва сдержался, чтобы не поднять ее со стула, повернуть к себе...

– Ты мечтаешь о невозможном.

– А ты требуешь невозможного. Этот брак – типичный мезальянс!

– В нашем положении почти любой брак будет мезальянсом, – вздохнул он, почувствовав, что разговор принимает иной оборот. – Достойный человек хочет тебя в жены, и не надо драматизировать. Витая в облаках, ты даже не заметишь, как впустую пройдет жизнь. Только вчера я принес тебя из роддома. Совсем недавно ты была очаровательной трехлетней крохой, сидящей у меня на коленях. Я помню прилежную школьницу с яркими бантами и большим портфелем. А сейчас ты стала настоящей красавицей, которая может осчастливить любого мужчину.

– Любого, кроме одного. – Соня потерлась прохладной щекой о его руку. – Но я не хочу любого.

Однако ее маленькая хитрость не удалась. Все, чего Илья желал в ту минуту, – поскорее закончить этот безумный разговор, и потому сделал вид, что не слышал ее последней фразы. И пока Сонины темно-серые глаза ловили в зеркале его взгляд, он, мысленно сосчитав до десяти, продолжил:

– У нас общая цель: сделать твою жизнь полноценной. И Николай как нельзя лучше подходит на роль мужа, который может дать тебе многое. Он образованный и порядочный человек. И внешне недурен собой. Ты ведь не станешь отрицать хотя бы это?

– Да, – без прудубеждения согласилась Соня. – Он симпатичный. Но это не значит...

– Я рад, что мы понимаем друг друга, – жестко оборвал ее Илья. – Он будет заботиться о тебе, как раньше заботились все мы. Он не станет, как мальчишка, бегать за каждой юбкой, чтобы удовлетворить свой инстинкт самца!

– Но до сегодняшнего вечера я вовсе не собиралась замуж, – без прежнего энтузиазма возразила она, почувствовав, что в эту минуту окончательно решила ее судьба.

Соппротивление было сломлено. Надо только дать ей время свыкнуться с мыслью о неизбежности этого замужества. Илья криво улыбнулся и по-отечески поцеловал светлую полоску пробора. Соня задержала дыхание и закрыла глаза, желая продлить это мгновение до бесконечности, но он, занятый мыслями о грядущих переменах, торопился покинуть ее спальню.

– Подумай обо всем хорошенько, Соня. Я не жду ответа сию секунду. А теперь ложись, у нас обоих был непростой день.

Она устало изобразила улыбку. Илья взглянул на ее печальный профиль, отвел ладонью волосы со щеки и поискал в памяти теплые слова, чтобы как-то утешить свою девочку.

– Я не хочу, чтобы ты грустила. Все образуется.

«Как я дожил до того дня, когда она будет стоять в подвенечном платье под руку с другим? И как пережить этот день?»

Соня смотрела на него в зеркале во все глаза, стараясь догадаться, о чем он думает. «Какая разница, если все равно это будет не он. Не сегодня, так через год он отдаст меня первому встречному. Он все знает, но отсылает меня прочь. Что же, если он так хочет, я выйду замуж и буду счастлива. Назло ему! Назло всему миру!»

Когда он взялся за ручку двери, у нее не осталось времени на раздумья. Она окликнула его из глубины комнаты, пряча мстительное выражение под упавшими на лицо волосами.

– Хорошо, я сделаю это. Выйду замуж и буду любить его, как ты просишь.

Она сидела вполоборота, опустив глаза и сжав на коленях нервные руки, как подсудимый на вынесении приговора. Но приговор грозил не ей. Илье показалось, что стены в комнате готовы сложиться, словно карточный домик.

– Это шутка?

Девушка откинула волосы за спину. Синий шелк вспыхнул, как предзакатные волны, гонимые ветром к берегу.

– Ты пришел за моим согласием и уходишь с ним. Не будем тянуть с этой свадьбой. И я ужасно устала. Уходи.

Все еще не веря услышанному, он побрел в кабинет, а проигравшая Соня с тоской смотрела на закрывшуюся дверь, словно надеялась, что это был дурной сон и этого разговора и этого вечера не было вовсе. Чтобы насладиться изумлением в его глазах, ей пришлось собрать в кулак все силы. Но наедине с собой не требовалось лгать и притворяться, и детская месть потеряла всякую сладость, окрасившись в кроваво-красные цвета боли и отчаяния.

– Я все сделаю, как ты хочешь. – Обреченная на послушание снова повторила она и прижала ладони к пылающим щекам. – Но почему ты так легко отдал меня? Почему мои чувства для тебя ничего не значат? Почему ты не попросил меня о счастье для нас двоих?

Роза с постаревшим без косметики лицом сидела в постели с журналом и ручкой. Наверное, подсчитывала результаты какого-нибудь бессмысленного дамского теста. Она и его пару раз пыталась втравить в это убыточное для ума занятие.

– Давно вернулась? – расстегивая рубашку, спросил Илья.

– А то тебе это интересно, – не отрывая глаз от страницы, ответила жена и смахнула со лба непослушную челку.

– Если спрашиваю, значит, интересно. – Илья покосился на часы и забрался под одеяло. – Опять ты бросила платье у кровати! Неужели нет сил дойти до шкафа?

– Не придирайся. Утром уберу.

– Каждый день одна и та же песня тридцать лет. Черт возьми, когда ты научишься следить за своими вещами?

– Процесс перевоспитания нерадивой жены не подождет до утра? К тому же, зачем, по-моему, нужна горничная, если всю работу я буду делать за нее?

Она подняла на него светло-карие глаза, слегка выцветшие за годы их брака, и вопросительно наклонила голову, глядя на него поверх очков.

– Даже если я уволю горничную, ничего не изменится, – желчно заметил он.

– А тогда незачем и говорить об этом. – Ее оружием была убийственная логика. – Я на самом деле устала.

– Устала отдыхать? В доме бардак, а ты с подружками надираешься в барах за мой счет.

– Ладно тебе, перестань, – примирительным тоном сказала Роза, почувствовав, что настроение мужа не способствует мирному разрешению пустякового конфликта, и отложила журнал в сторону. – Как твой вечер? Гость приходил?

– Угу, – придержав эмоции, пробурчал он, не зная, как приступить к трудному разговору, но Роза, сама того не подозревая, подвела его к нужной теме.

– Соне опять пришлось слушать ваши скучные мужские рассуждения о работе и футболе?

– Что ж ты не взяла ее с собой, если тебе ее жалко? – не смог удержаться от язвительного тона Илья. – К счастью, она разумная девочка. Даже твоим теткам не сбить ее с истинного пути.

– Ты напрасно поощряешь ее добровольное затворничество, как будто она готовится в монастырь. Между прочим, в клубе было много молодых людей ее возраста.

– Не сомневаюсь. Тунеядцев и жиголов.

Илью передернуло от мысли, что Соня окажется в компании наглых похотливых повес.

– Там были очень приличные мальчики из хороших семей. Ей пора уже думать о будущем.

– Пока вы сплетничали, ее будущее определилось.

Закончив эту фальшивую фразу, Илья испытал легкую тошноту.

– Мы не так часто встречаемся, чтобы выслушивать твои упреки. – Роза натянула повыше одеяло и отвернулась к противоположной стене, но тут же перекадилась обратно. – Что значит: «Ее будущее определилось»?

«Началось!» – с тоской подумал Илья и постарался придать своему лицу спокойное и уверенное выражение.

– Соня собирается замуж.

– Соня – замуж? Как она может выйти замуж, если у нее и поклонника нет?

– И тем не менее.

Чует его сердце, что не к добру девочка так поспешно согласилась. И как вышло, что он, начавший разговор с Николаем с категорического отказа, теперь высчитывает дни на календаре и планирует свадьбу? Выдать девочку замуж только потому, что не можешь жениться на ней, – это ли не самая изощренная насмешка над собой? Он будто выбрал Соню орудием своей мести несуществующему богу. Ему теперь уже недостаточно сказать: «Бога нет, если я не вижу его участия в своей жизни!» Ему требуются находящиеся в ведении высших сил инструменты. Наркотик власти над кем-то, кто не имеет железной воли противостоять ему. Всего лишь через несколько дней он распорядится чужой жизнью, как собственным имуществом и, бегло взглянув вверх, гневно спросит: «Ну, что же ты опять не вмешался? Почему ты позволил принести ее в жертву?» Но Илья, только теперь увидевший дно пропасти, куда сползала его жизнь, уже не мог отступить и повернуть назад.

– Что значит твое «и тем не менее»?

– Она согласилась выйти замуж за Николая.

– За профессора Кондратьева? Да ведь он в два раза старше. И откуда она его знает?

– Они познакомились сегодня, и он сделал ей предложение.

– Это бред! Чтобы Соня вот так, не сказав двух слов, по собственной воле... Ты заставил ее?

– Соня сделала свой выбор, – чеканя слова, как царские червонцы, ответил Илья, стараясь сдерживать рвущийся гнев.

– Глупости! – возмутилась Роза, не поверившая ни единому слову. – Не могла она такого сделать! Тут не обошлось без твоей руководящей и направляющей роли. Но зачем? И куда ей спешить, сам подумай!

– В отличие от тебя, я с детства приобрел привычку думать!

Почему-то любая ее апелляция к его мыслительной деятельности выводила его из состояния душевного равновесия. Она говорила с ним так, будто он бесконечно устарел, как отслуживший свой век чугунный утюг.

– Тогда я сама поговорю с ней.

Роза принялась искать на ковре домашние туфли.

– Успокойся. С ней все в порядке.

– Зато со мной не все в порядке. Она мне как дочь, и я не могу позволить тебе загубить ее жизнь!

– Не забывай, что я ей тоже, в некотором роде, родственник. И переживаю за ее судьбу не меньше твоего.

– Ты переживаешь? Да у тебя вообще нет сердца. Ты и думаешь-то только о бизнесе. А когда ты в последний раз вспоминал о детях?

– Роза, – угрожающе начал Илья, ощущая, как подергивается левое веко, как холодеют кончики пальцев. – Этот фарс начинает действовать мне на нервы.

– Ах, ну я забыла. У тебя же трудная и нервная работа и еще какой-то депрессивный синдром. – Илья старался не замечать ядовитых укусов, но его мнимое спокойствие еще больше распалило жену. – Соня не игрушка, не уличная собачонка, которую можно спихнуть на дачу к приятелям!

– Речь идет о ее благополучии. И чем больше я думаю, тем тверже убеждаюсь, что этот брак – оптимальное решение.

– Замужество для молодой девушки, которая ни с кем еще толком не целовалась, не может быть «оптимальным решением»! Неужели нужно объяснять такие элементарные вещи?

– Ах, простите, я совсем забыл, что нынче не принято выдавать замуж девственниц! – Илья резким движением смахнул с прикроватной тумбочки книгу, часы, лекарства и поискал налитыми кровью глазами, на чем еще сорвать злость. – Ты и Марину воспитала на этих принципах. Она меняет любовников раз месяц, если не чаще.

– А что же ты, великий гуманист, так поздно заинтересовался своими дочерьми? – не обращая внимания на разлетевшиеся по полу вещи, продолжала нагнетать обстановку Роза. – Если я плохая мать, так и растил бы их сам. Нет же, тебя никогда не было дома, когда требовалась отцовская рука.

– Довольно! Я обещал матери заботиться о ней и сдержал свое слово. Но теперь в ее жизни должен появиться мужчина, который возьмет эту обязанность на себя.

– Ты торопишься спихнуть бедную девочку с рук. Она тоже проедает слишком много твоих харчей? Так посади ее на хлеб и воду, и она сбежит от тебя с любовником, которого выберет сама. Но ты не можешь указывать ей, за кого выйти замуж. Я не позволю тебе сломать ей жизнь!

– Позволить мне что-то или нет, не в твоей власти. А то бы ты наворотила дел!

Он снова повысил голос, отметив, что привычная ирония сегодня не возымела никакого действия.

– Речь идет о судьбе нашего ребенка!

– Ах, вот как! Тебе необходимы исторические разговоры на ночь глядя? – потеряв терпение, взорвался Илья.

– Да ты со мной не разговариваешь с тех пор, как твои дела пошли в гору, а дети выросли!

– Заметь, с тех пор ты стала значительно лучше жить!

– И это ты называешь жизнью?

Теперь уже было ясно, что скандал перерос рамки привычной ссоры и с грохотом обрушился на обоих, сметая на своем пути остатки теплых воспоминаний, которых за годы накопилось не так уж мало. Кто-то должен был остановиться первым.

– Роза, не начинай. Потрепали друг другу нервы – и хватит!

Почувяв, куда ведет разговор, Илья попытался остановить разошедшуюся жену, напоминающую в своем праведном гневе летящий под откос грузовик.

– Тебя помимо работы интересуют только шлюхи!

– Придержи язык, черт возьми! Или в два счета окажешься свободной дамой в поиске работы.

– Ты не посмеешь! Наши дети...

Теперь и она осознала, что предмет разговора перешел от Сониного замужества к их разводу. И ухватила за мысль о детях, как за перила, заботливо спроектированные архитектором, чтобы опрометчиво спешащие вниз по ступеням не переломали себе шеи.

– Еще как посмею! И наших детей сюда не впутывай! Я разведусь с тобой, а не с детьми.

А они уже достаточно взрослые, чтобы я мог им все объяснить насчет их матери.

– Да ты и соврешь – недорого возьмешь! – слегка сбавив обороты, огрызнулась Роза.

– Мне не придется врать. Они не слепые, сами все видят. Магазины, клубы, салоны, курорты. Ты живешь, как кровососущий паразит. И все твои друзья и подруги, такие же сорняки, как и ты, живут за мой счет.

– Ты обязан заботиться обо мне, потому что я твоя жена.

– И потому у тебя есть все, что пожелаешь!

– Но у меня есть и собственный взгляд! – Затухающий скандал вспыхнул с новой силой, как только она вспомнила о своем человеческом достоинстве. – Почему ты считаешь, что купил мое мнение о судьбе моих детей?

– Прекрасно сказано! Даже у меня бы не получилось так предельно ясно сформулировать суть. Я купил тебя целиком и полностью, выкупил у тебя же за все эти годы. И твое мнение относительно моих решений меня не волнует. Держи его при себе, как любимого хомячка, и не выпускай бегать по дому. И тогда ни у кого не будет проблем. – Он едва сдержался, чтобы не раскрыть ее многолетнюю тайну, которую она наивно считала тайной. – Я повторяю в последний раз: Соня выходит замуж. И если я увижу, что ты пытаешься вмешаться, я тебе гарантирую полный комплект неприятностей вплоть до встречи с адвокатом.

– Прекрати мне угрожать! Ты считаешь, что у меня идеальная жизнь? Попытайся вспомнить, когда ты спал со мной в последний раз. – Он нахмурился, но жена не позволила ему вставить ни слова. – У меня есть все основания самой подать на развод!

«Опять она валит все в кучу. Сколько раз мы договаривались, что обсуждаем конкретный предмет, а не все обиды за последние тридцать лет».

– Ты сказала «развод», я не ослышался?

– Ну уж нет, я не доставлю тебе такого удовольствия!

Каждый раз, как только взаимные претензии подходили к решающей черте, за которой брезжила сомнительными преимуществами свобода, Роза отказывалась претворять в жизнь назревшее решение.

– Согласен. Если развод неизбежен, то не сейчас. Не накануне Сониной свадьбы.

– Илья, откажись от этой идеи! – сменив тактику, взмолилась жена, но он остался непреклонен.

– Чем рвать на себе волосы без причины, лучше расскажи девочке, как это все происходит. Ну, ты знаешь...

– А почему бы тебе не прочитать ей лекцию о супружеском долге? – продолжая язвить, она в действительности уже спустила пар. – Ты же прекрасно справляешься без меня.

– Не во всем, Роза, ты знаешь, что не во всем. – Он улегся на свою половину кровати, не потрудившись собрать с пола разбросанные вещи. – Ну, все. Успокоились и забыли.

– Ты здесь такого наговорил...

– Я не собирался выяснять отношения, – вяло оправдывался Илья, взбивая под собой подушку.

«Черт возьми! Почему я опять должен становится миротворцем? Пусть катится к своему любовнику!»

– Знаешь, – вдруг сказала она. – Я даже рада, что мы поговорили. В последнее время мне казалось, что у тебя вообще никаких чувств не осталось. Что тебе на все наплевать.

– Убедилась, что ошибаешься? – вздохнул Илья, предпочитающий обходиться без психоаналитических штучек, и в ответ на ее неохотный кивок притянул жену к себе. – Почему ты всегда выбираешь для выяснения отношений самое неподходящее время? – Роза фыркнула, но сдержалась, и это был хороший знак. – Ладно тебе, мамочка, не дуйся. Иди ко мне. Я вспомнил неплохой способ помириться.

Глава 2. Она согласна

Из-за обильных возлияний накануне утро очередного дня пришло в дом профессора Кондратьева во второй половине дня, а точнее, в двадцать три минуты пятого.

К счастью, сегодня не было ни дежурства в клинике, ни обязательств перед родными, ни даже собаки, которая могла бы потребовать законной прогулки. Ни-ко-го!

Николай взглянул на старинные часы, купленные сто лет назад в комиссионке. Нужно не забыть вычесть восемь минут. Эти чертовы часы в первые сутки убегают на восемь минут, а потом идут в соответствии с каким-то своим представлением о точности.

Невозможно поверить, что он проспал столько времени и совсем не помнит, как ночью попал домой. Сколько же они вчера выпили? Илья что-то кричал, потом он что-то доказывал и, кажется, собрался жениться.

В памяти всплыла «Фигура бегущей женщины» Донато Крети. Длинные линии, изящная техника рисунка, сдержанная страстность и стремительность ускользающего образа.

– Соня... – прошептал Николай пересохшими губами, словно озвучив ее имя, как магическое заклинание, он мог вызвать ее зыбкий образ из сумрака коридора.

Но в квартире было тихо, только над кроватью в привычном ритме тикали часы, на кухне изредка вздрагивал старый холодильник, да кровь сильнее обычного стучала в висках.

– Соня? – громче и уверенней спросил он у невидимого собеседника.

И, похоже, сам начал верить в то, что наобещал Илье. Он готов стать ее опорой в жизни, готов любить ее все отпущенные судьбой годы. Волосы, плечи, бедра... Бесценная и недоступная статуэтка. Губы, ресницы, руки...

Настойчивый кашель дверного звонка не сразу вторгся в его сознание, распаленное запретными образами. Он стянул со стула тяжелый халат и босиком отправился к двери, по дороге нащупывая в кармане пачку сигарет. «Надо бы сначала сделать кофе, прежде чем курить...» Даже не взглянув в глазок, Николай распахнул дверь незваным гостям и окончательно пришел в себя.

– Вижу, ты еще не проснулся, – с насмешкой констатировал Илья и, не дождавшись приглашения, по-хозяйски прошел в квартиру.

Николай выглянул на лестничную площадку, словно предполагал застать там вереницу посетителей, обшарил взглядом пыльную и прокуренную пустоту и поплелся вслед за гостем.

– У тебя хотя бы домработница есть?

Илья обвел скептическим взглядом профессорскую берлогу и направился к подоконнику.

– Что? – Недоумевающий профессор потер рукой лоб, пытаясь сосредоточиться на вопросе. – Раз в неделю соседка приходит убираться.

– Надо бы чаще.

Гость брезгливо отодвинул ребром ладони пыльную штору и бросил короткий взгляд во двор.

– Хочешь кофе? – Хозяин одновременно пытался найти тапочки и проявить гостеприимство. – Поищу на кухне, чем можно перекусить.

– Ты помнишь наш вчерашний разговор? – менторским тоном спросил Илья и недоверчиво прищурился.

Им обоим не было нужды уточнять предмет разговора. Еще минуту назад лелеявший образ молодой женщины, Николай устыдился своей необузданной похоти, словно кто-то мог подсмотреть картинки в его голове.

– Конечно. Вчера мы говорили о твоей...

– О Соне, – удовлетворился возможностями его памяти Илья, не дав себе труд дослушать собеседника. – Она согласна.

– Что? – изумился профессор и поискал за собой край расстеленной кровати.

– Надеюсь, ты нас не разочаруешь. – Илья в упор взглянул на Николая, окаменевшего с приоткрытым ртом и вздернутыми бровями. – Я по своим каналам проверил все, что ты вчера наговорил, уж извини. Я возьму на себя материальные вопросы, а ты будешь заниматься остальным. Ну, ты знаешь, – поморщившись, добавил он и в ответ на недоумевающее молчание с неохотой пояснил: – Ей уже пора повзрослеть, а не читать по ночам любовные романы. Я не могу вечно оберегать ее. Обязательно появится какой-нибудь мерзавец, польстившийся на мои деньги. А куда повернутся девичьи мечты, я понятия не имею. В общем, назначаем день свадьбы.

– Ты заставил ее? – полуутвердительно произнес Николай. – Поверить не могу, чтобы девушка так просто... Не сказав даже двух слов.

– Я говорил с ней после твоего ухода, – упирая на слово «говорил», ответил Илья. – Она разумная девочка и все понимает.

– Что она понимает? – переспросил помрачневший профессор. – Что я буду заботиться о ней? Что не сделаю ей ребенка? Зачем ей я?

– Откуда мне знать! Возможно, она осознает, что я не позволю всякому проходимцу... И это ее шанс, может быть, и не последний, но очень неплохой. У меня нет эйфории по поводу идеальных браков, но вы оба постараетесь. Может, она со временем... Как это говорят? Стерпится-слюбится?

– Это она так сказала?

Илья неопределенно хмыкнул и насупился. Они смотрели друг на друга, как дипломаты враждующих государств, и границей, разделившей их, была пребывающая в неведении Соня.

– В общем, – с легким раздражением подвел итог гость, – если ты не передумал за ночь, начинаем подготовку.

– Да, конечно, – закивал новоявленный «жених» – А подготовка... Ты ведь хочешь ресторан, много гостей?

– Зачем? – пожал плечами Илья. – Маленькое торжество в кругу близких будет в самый раз. У Сони здесь нет подруг, только мы. Семья, – весомо пояснил он. – И ты тоже пригласи только самых-самых. О кольцах, костюме, подарках и другой мишуре не беспокойся, это моя забота.

– Ладно, – как во сне согласился Николай и попытался сосредоточиться, чтобы спросить что-то еще, но гость торопился покинуть его жилище.

– Значит, в следующее воскресенье. Дальше у меня начинается горячая пора. Я пришлю тебе консультанта, пусть посмотрит, что можно сделать здесь перед свадьбой. Хотя, что тут сделаешь! – Илья пересек комнату, снова исподлобья оглядел обстановку и покачал головой. – А Соню отправлю в Москву, пусть выберет себе наряды. Успеешь собрать родню?

И, не дожидаясь ответа, по-английски растворился за дверью. Затхлый сквозняк с лестницы воровато просочился в прихожую и надолго завис возле вешалки облаком чужих запахов.

Николай задумчиво возобновил поиск сигарет в кармане, размышляя о том, что на старости лет окончательно спятил, если ввязался в эту невероятную авантюру.

Первый человек, которому он поспешил рассказать о грядущих переменах, была Лида. Ничего толком не объясняя, покашливая и путаясь в словах, как в бесформенном балахоне, он попросил о срочной встрече с бывшей женой, и вскоре появился в их тесной двухкомнатной квартирке на пятерых. Как назло, все семейство оказалось в сборе, и пять пар глаз на тесной кухне пристально вглядывались в него, пока он нерв но раскуривал очередную сигарету, прочищал горло глотком воды, в сотый раз приглаживал волосы.

– Ну? – не выдержав напряжения, поторопила его Лида. – Говори уже, не томи.

– Я, как бы это сказать... женюсь. – Вместе с этими словами облачко дыма вырвалось на свободу и победно расплзлось над обеденным столом. – Я вчера сделал предложение и получил согласие.

– Ты шутишь, папа?

Сережа нахмурился и покосился на мать, чья реакция на слово «свадьба» была непредсказуемой.

– Так, – протянула та и обернулась к дочерям: – Ну-ка, брысь отсюда обе! Это разговор для взрослых.

– Мам, ну, ма-ам! – хором затагнули Маша и Люда. – Мы уже не маленькие. Дядя Коля, скажите, что нам можно остаться!

– Да ладно тебе! – взмахнул рукой Николай и на этот раз обратился Лидиному мужу: – А ты что скажешь?

– А что я могу сказать? – развел руками изумленный Михаил и расплылся в искренней улыбке. – Пришла пора остепениться!

– Вот и я тоже подумал, – ободренный его поддержкой, Николай попытался впервые за сегодняшний день от души обрадоваться. – Хватит мне скитаться одиноким медведем.

– Медсестра? – Лида была лаконична, как и тридцать лет назад, когда их семейная жизнь только начиналась. – Из этих молодых да ранних?

– Нет, она не медсестра.

Профессора задел ее ироничный тон, но справедливости ради, приходилось признать, что он вообще ничего не знал о Соне. Где она училась, какие фильмы любит, в каком месяце родилась. Она пока закрытая книга. Тайна за семью печатями. Что он так безрассудно готов приобрести: бесценный экспонат или проблему на всю жизнь? В прошлые века, когда браки заключались по договоренности, родители просто обменивались портретами, сторговывались о сумме приданого – и дело сделано. По крайней мере, жениху было все известно и о семье невесты, и о самой избраннице. А он оказался в весьма щекотливом положении. Даже друзьям не о чем рассказать.

– Хоть не в два раза моложе?

– Нет, не в два, – обнадежил слушателей гость и на Лидин притворный вздох облегчения скороговоркой добавил: – Немного больше.

– Коля, это, по меньшей мере, безответственно!

Она бросилась к закипающему чайнику, словно он один мог решить возникшую проблему в лице ее внезапно поглупевшего бывшего супруга.

– Перестань, мам, – подал голос Сережа. – Они уже взрослые, сами разберутся.

– Ты еще будешь меня учить, кто тут взрослый, а кто из подгузников никак не вырастет, – огрызнулась Лида. – Его невеста тебе в подружки годится. А завтра ты придешь ко мне со словами, что женишься на малолетке?

– Вот еще! – фыркнул он. – Я пока погуляю.

– А этот на старости лет догулялся! – Она с ехидством во взгляде обернулась к покрасневшему профессору. – Нашел себе дочку в жены.

– Подожди, Лидуша! Давай я начну с самого начала.

И он пересказал всю историю изумленным и благодарным слушателям, начиная с момента, когда Илья впервые пришел к нему на прием, и заканчивая сегодняшним утром. Впрочем, некоторые сомнительные подробности вчерашнего разговора он все же опустил.

Едва последние слова растворились в напряженной тишине, пятеро посвященных взорвались фонтаном эмоций. Николай не смог выделить голоса из общего хора и некоторое время просто переводил глаза с одного говорящего на другого. Наконец, хозяйка дома поднялась с заключительной речью.

– Это самая сумасшедшая история, которую я когда-либо слышала, – безапелляционно заключила она, и четыре головы одобрительно, но вразнобой закивали: «И мы, и мы». – Но ведь ты все равно уже никуда не денешься! Ты сам загнал себя в ловушку. Отказаться теперь – значит оскорбить девушку и всю ее семью.

– Я не хочу никуда деваться, ты видишь! – с горячностью подтвердил серьезность своих намерений Николай, но Лида остановила его уверенным взмахом руки.

– Наше благословение тебе ни к чему, а советы давать уже поздно. Радует, что ты предупредил нас хотя бы за неделю, а не накануне церемонии. Ну, женись. Может быть, это твой шанс.

Все опять принялись кивать и на этот раз дружно заулыбались. Его так и подмывало спросить, о каком шансе она говорит, но задать вопрос он не решился. Кухня наполнилась радостными выкриками, одобрительными хлопками по плечу и поцелуями. Но главная мысль звучала все громче и многообещающе: да, это шанс.

Он повторял эти слова, пока ехал домой в забитом до отказа автобусе, и даже убедил себя, что именно этого события ждал долгие годы после развода с Лидой. Что Соня сможет изменить не только его каждодневную жизнь, но и нечто важное в нем самом. Правда, глубже копать профессор не решился, чтобы не наткнуться на скептические мысли о значительной разнице в возрасте, о скоропалительном и, по большому счету, даже не его решении, о слишком размытых перспективах и очень непростых будущих родственниках. И, наконец, о неотвратимо приближающейся старости.

Нормальные люди на подготовку к свадьбе тратят несколько долгих недель. Молодые успевают поссориться, помириться, устать от родственников и их советов, снова поссориться из-за пустяка. А профессору Кондратьеву уже на следующий день позвонил один из референтов господина Билецкого и потребовал, чтобы он срочно отправлялся покупать костюм. Тот аргумент, что прекрасный костюм, практически новый, купленный в Венгрии пять лет назад, висит у него в шкафу, был корректно оставлен без внимания. Молодой человек был исполнен сознанием собственной значительности.

– Костюм к свадьбе велено приобрести сегодня. – Николай поежился от непривычного «велено». – Я жду вас через полчаса в машине. Магазин уже извещен.

И, как выяснилось позднее, не один магазин. За всю жизнь профессор не провел столько времени перед зеркалами, обласканный внимательными взглядами менеджеров и умелыми руками продавщиц, как в этот безумный день. К вечеру профессор, обвешанный фирменными пакетами и коробками, как записная модница, в сопровождении все того же не проявляющего ни малейших следов усталости референта вошел в подъезд собственного дома. Телефон с порога каким-то особенно визгливым голосом потребовал к себе внимания, и голос Ильи деловито поинтересовался итогом дня.

– Да-да, – рассеянным тоном отчитывался Николай. – Все купили, а финансы... Я и сам в состоянии...

– Не о чем говорить, – отчеканила трубка. – Мы с Соней только что нашли вам квартиру.

– Квартиру? – удивился профессор. – У меня есть одна.

– В Москве! – со снисходительной усмешкой пояснил Илья. – Небольшую. Потом подберем что-нибудь солиднее. От загородного дома Соня наотрез отказалась. Пока вы будете в путешествии, здесь закончат ремонт. Я уже договорился о твоём переводе в первопрестольную.

– Так ты из Москвы звонишь?

– Из Урюпинска, – отрезал Илья и, не прощаясь, повесил трубку.

Николай принялся разбирать пакеты и коробки, раскладывая по полкам пахнущие магазинами вещи, хотя больше всего на свете ему хотелось рухнуть в любимое кресло и напиться до чертиков.

«Неужели все это происходит со мной?» – уже засыпая, подумал он и призвал на свидание зыбкий образ девушки с печальными глазами, не желая проводить эту ночь в привычном одиночестве.

«Во дворце уже шли приготовления к свадьбе. Горели хрустальные люстры, блестели начищенные полы, столы ломились от яств». Эта фраза из детской сказки все время крутилась у Сони в голове. Однако, она понятия не имела, как будет выглядеть планируемое торжество. Подготовкой праздника занималось элитное свадебное агентство. А ее задачей было выбрать себе наряд, обновить гардероб и купить все, что заблагорассудится. Илья поручил Марине водить Соню по магазинам, развлекать и отвлекать от сомнений в предстоящем событии. Его старшая дочь будущий брак Сони и немолодого профессора называла исключительно мезальянсом, но, дважды напоротившись на ледяной взгляд отца, гибко сменила генеральную линию. По магазинам, так по магазинам. Девочкам выделили неограниченный кредит, и Марина намеревалась воспользоваться этой возможностью на всю катушку. Правда, мнения насчет предстоящего Сониного замужества она не изменила.

– Дура ты, Сонька!

Отцовской безапелляционности ей было не занимать. Соня оторвала задумчивый взгляд от длинного ряда платьев, мимо которого они шли, вытаскивая одну за другой вешалки с нарядами и прикладывая их к себе перед зеркалами.

– Почему?

– В твоём возрасте надо делать упор на секс, а не на послушание. Уж на романтику, как минимум.

– Как я могу делать упор на том, чего у меня не было? А романтика для Ильи не аргумент.

– Ещё какой аргумент! Убедительнее некуда, чтобы поскорее выдать тебя замуж.

– Я сама согласилась.

– А я, конечно, поверила в твою добрую волю и любовь с первого взгляда к импозантному старичку.

– Он не старичок. – Соня отвернулась, чтобы скрыть улыбку. – Они с Ильей одногодки.

– Ну, ты же за папу замуж не собиралась!

Соня подавила вздох и выдернула из ряда очередную вешалку.

– Если бы нашелся похожий...

– Да, папуля у нас хоть куда. – Марина задорно заблестела зелеными глазами. – Ни одной юбки не пропустит. И как только мама терпит? Если тебе кажется, что жизнь с таким – мечта, то ты сильно заблуждаешься.

– Ничего мне не кажется!

– Нашла кому врать! Ты с самого начала была папиной дочкой.

– Давай не будем, а?

Соне не хотелось вспоминать свое беззаботное детство, до краев наполненное любовью к брату. То, как не слезала с колен Ильи, едва он появлялся дома. Как ходила за ним хвостом. Как караулила его вечерами и утром просыпалась раньше всех, чтобы первой попасться ему на глаза и услышать хриловатый голос: «Чего тебе опять не спится, Сонька?». Как, читая романы, искала в них мужчину с чертами Ильи и придумывала истории, где тот мог возить ее по балам, или сгорать от любви, или даже жениться на ней. И в ее фантазиях все заканчивалось хорошо, иногда даже очень хорошо. Они любили друг друга и вообще не умирали, потому что умереть просто не могли.

– ... уехать, и все, – где-то далеко наставляла ее Марина. – И куда ему деваться? Он все равно простит, может, и не сразу, но простит. Зато этот дурацкий спектакль не состоится, и ты продолжишь искать принца.

– Куда я уеду?

– Я знаю один отличный отель в Сан-Тропе.

– Но он найдет меня в два счета.

– Да и пусть! Зато для него твое бегство будет знаком, что ты не хочешь замуж.

– Он не поймет.

– Соня, плевать, поймет он или нет! Его затея выдать тебя за старика, чтобы оградить от придуманных опасностей большой любви, – это же чистой воды эгоизм.

– Он вырастил меня. Как я могу предать его?

– А предать себя в угоду его самодурству можешь? Одно дело – переспать с кем-то из его друзей, и совсем другое – выйти замуж и жить день за днем. Ты считаешь это нормальным?

– Я не знаю.

Сонины глаза против воли наполнились слезами.

– Так наш папочка выражает любовь и заботу.

В Сониных глазах он был почти божеством, с мыслями о котором она просыпалась и засыпала. Он не мог просто так оставить ее, разлюбить, отдать другому. Она представляла, что нужна ему рядом, а не в мифическом и невообразимом браке. И вместо того чтобы воспользоваться мудрым и одновременно безрассудным советом Марины и банально улизнуть, как героиня итальянской комедии, оставив брата наедине с его сомнениями, она решила дожидаться удобного момента, чтобы рассказать ему об ошибке, которую исправить будет невозможно.

Однако Илья с внешней невозмутимостью и совершеннейшим малодушием в душе не желал ничего слушать. «Я занят, Соня! Я на совещании. Не морочь мне голову, у меня министр на проводе». И ей никак не удавалось вклиниться в плотный график его встреч, совещаний и деловых обедов и даже в голову не приходило, что он боится оказаться лицом к лицу с ее правдой.

Каждую ночь она безутешно плакала в подушку и даже не подозревала, что он напропалу пьет, любит красивых и чужих женщин и ни за что не придет домой, пока в своей спальне она надеется что-то изменить, вернуться на много лет назад и начать с чистого листа.

В последний вечер Илья так и не смог вжиться в роль любящего родителя, отдающего замуж младшую дочь. Он старался воскресить в себе воспоминания о маленькой девочке, которую вырастил как собственного ребенка, но в голову лезли знакомые мысли, от которых так и хотелось выть на луну.

Роза, прилежно исполнившая супружеский долг, мирно похрапывала на соседней подушке. Эти привычные звуки сегодня не давали ему ни уснуть, ни забыть о своем возрасте, о взрослых детях и их проблемах, о долгих годах, проведенных рядом с Соней. И о предстоящей завтра потере.

Илья с досадой отбросил одеяло и спустил ноги с кровати. Роза, не просыпаясь, что-то забормотала во сне и почти сразу затихла. Вдев руки в рукава халата, он отправился в кабинет, чтобы пропустить рюмочку-другую на сон грядущий, если тот, конечно, соизволит посетить его сегодня. Однако ни коньяк, ни тишина не смогли отвлечь его от предстоящей свадьбы. Его маленькая девочка, его любимица готовилась навсегда покинуть родительский дом.

Глядя невидящими глазами в пространство, он собирал по крупичкам воспоминания. За годы, прошедшие с выпускного вечера, его запретная любовь не стала меньше, не остыла, несмотря на все усилия утопить ее в работе, в длительных отлучках из дома, в страсти продажных женщин.

Сонин образ с годами вознесся на недостижимую высоту и остался там, окруженный ореолом долга и ответственности. Бремя этой ноши становилось все тяжелее, и он понимал, что уже ничего не сможет изменить ни в своем отношении к жизни, ни в самой жизни. Чтобы что-то менять, нужна была уверенность в безошибочности выбора и поддержка. Но он, как вол, тянул свой воз по дороге один мимо цветущих садов и живописных поселений, даже не мечтая об отдыхе.

Илья вздохнул, покосился на часы, отмерившие два часа ночи с четвертью, погасил свет и вышел из кабинета. Надо взять себя в руки и хоть немного поспать, чтобы завтра выглядеть счастливым отцом.

– Соня?

Глаза, привыкшие к свету, не сразу распознали смутную фигуру, но запах жасмина почти зримо витал в тишине коридора. Соня жалась к стене, зябко обхватив руками голые плечи. Илья различил длинную сорочку и бледное лицо в рамке распущенных волос. Ночной призрак, пахнувший июньским садом, снова искушал его воспоминаниями о далекой ночи.

– Что ты тут делаешь? – в замешательстве прошептал он, подавшись ближе.

– Жду тебя, – почти беззвучно ответила она. – Я увидела свет под дверью, но не решилась мешать. Ты работал?

– Иди к себе.

Он не хотел объяснять причину своей бессонницы.

– Поговори со мной.

Теперь он мог разглядеть сквозь темноту устремленный на него умоляющий взгляд и тонкие пальцы, пока еще не скованные обручальным кольцом. Она нервным жестом убрала волосы за ухо.

– Нам всем надо отдохнуть перед завтрашним днем.

Ему почудилось, что в Марининой спальне приглушенно зазвучали шаги, и он с опаской покосился на вереницу дверей.

– Илья, я боюсь, – пожаловалась девушка и шагнула к нему.

– Я не заставлял тебя, – почти рассердился он и отодвинулся.

– Нет, конечно, но... – Она нарушила его личное пространство и остановилась, когда он коснулся спиной стены и замер. – Я всегда думала, что в моей жизни все будет по-другому... – Теперь она тоже услышала звуки в соседней комнате и испугалась: – Может, поговорим у тебя в кабинете?

– Нет! – Его голос прозвучал тихо, но твердо. – Свадьба состоится, и нечего тут обсуждать.

– Ну, пожалуйста...

Соня просительно сложила руки, но он качнул головой и насупился. Она спрятала лицо в ладони, и он понял, что слез не вынесет. «Чистой воды шантаж! Все эти женские фокусы! Да уйдешь ли ты, наконец?!»

– Что ты за человек, Илья? – Девушка привстала на цыпочки, чтобы заглянуть ему в глаза. – Ведь прошло столько лет! – «Для тебя, не для меня», – мысленно огрызнулся он, но вслух не произнес ни слова и не отвел беспощадного взгляда. – Я просто не знаю, что мне делать. Вдруг мы ошибаемся?

– Правильно ли я понимаю, что ты хочешь завтра устроить скандал? – спросил он, глубже пряча сжатые кулаки в карманах халата. – Скажи мне об этом сейчас. Мне не нужны сюрпризы.

Она несколько мгновений непонимающе морщила лоб, но, в конце концов, вздохнула и приняла единственно возможное решение.

– Я все сделаю так, как хочешь ты!

«Как хочу я?» Опасная двусмысленность этой невинной фразы взяла его за горло стальной рукой. Разум заволокло туманом желания. Он задохнулся, а когда пришел в себя, девушка уже подходила к двери своей спальни. Он догнал ее, когда она взялась за ручку.

– Соня!

– Оставь меня!

Она не пошевелилась. Илья помедлил и обнял напряженное тело, нежно, едва касаясь, поцеловал девушку в теплую макушку.

– Я все сделаю, чтобы ты была счастлива.

– Я могу быть счастлива прямо сейчас.

Она решительно взяла его руку и положила к себе на грудь. Прямо в середине ладони он услышал, как ее сердце несется галопом к пропасти. В следующую секунду она увлечет его за собой, и они сорвутся оба и погибнут вместе на дне своих желаний. Соня прижалась к нему спиной и тихонько застонала, подставляя шею для поцелуя. Илья приблизил губы к пахнущей жасмином коже, но в следующий миг зажмурился, избавляясь от наваждения, разжал объятия и тут же оставил ее, испуганную и непонимающую, на пороге грядущих перемен. Она обернулась в попытке понять, почему счастье, которое было таким близким, ускользнуло от нее. Но слезы хлынули потоком, сметая последнюю надежду, и она с чувством хлопнула дверью своей спальни. Марина насторожилась и подняла голову от книги, Роза заворочалась на подушке, а Илья, вернувшийся в кабинет, опрокинул в себя целый бокал коньяка и налил второй, надеясь, что хотя бы алкоголь поможет ему пережить эту ночь.

Глава 3. Можете поцеловать невесту

Во второй раз Николай Николаевич Кондратьев увидел Соню Билецкую в день их бракосочетания, когда, как и положено жениху, приехал за ней на сияющем лимузине с целым цветочным магазином на длинном капоте. По дороге он нафантазировал себе невесту под густой фатой в пышном белом платье с открытыми плечами. Однако навстречу ему вышла стройная молодая женщина в безупречном кремовом костюме, словно сошедшая с рекламного ролика курортного отеля в Ницце. Не хватало только шляпки и перчаток, чтобы довершить это неожиданное летнее впечатление. Ее роскошные темные волосы, без затей заплетенные в косы при их первой встрече, теперь были гладко забраны в тяжелый узел, из которого крупными кольцами спускались на спину свободные локоны. Оттого, что узел тянул ее голову назад, казалось, что Соня смотрит на окружающих с аристократическим высокомерием. Однако ее большие серые глаза почти все время стремились вниз, как будто она старалась не выдать волнения или испуга. По обе стороны от нее жених и брат выглядели солидными и официальными, как душеприказчики на оглашении завещания. Их темно-синие костюмы и зрелый возраст рядом с ее кремовыми тонами и робкой юностью казались неуместными и смешными.

Соня обратилась к Николаю с вежливой и ничего не значащей фразой о погоде, будто играла роль Элизы Дулиттл. Восхищенный жених почти с благоговением поцеловал протянутую руку. Невеста зарделась и покосилась на брата. Тот с сосредоточенным лицом листал записную книжку, но, поймав ее осторожный взгляд, вспыхнул заученной улыбкой. Соня тайком послала ему воздушный поцелуй и несколько раз обернулась, увлекаемая Николаем к машине.

Ее ожидал другой белоснежный лимузин. Вместе с ней в машину уселась пышнотелая и пышноволосяя девушка с фотографии, дочь Ильи. Рядом с водителем разместился огромный детина в строгом костюме. Больше Николай ничего не запомнил вплоть до момента, когда бодрый голос служащей дворца бракосочетаний предложил ему надеть на руку невесты кольцо. Тонкие Сонины пальцы, протянутые к нему, заметно дрожали, и эта дрожь невольно передавалась профессору.

– Ты боишься? – чуть слышно спросил он, склоняясь над девушкой.

– Ведь так и должно быть?

От волнения она прикусила нижнюю губу и смущенно улыбнулась в замершую толпу родственников. Роза прижалась к мужу, словно стремилась доказать, как важен для женщины правильный выбор. Соня встретилась взглядом с Ильей, который не мог оторвать от нее глаз, и он прочитал на ее лице отчаянную решимость Марии-Антуанетты, всходящей на эшафот.

– Ты такая красивая, Сонечка, – прошептал ничего не подозревающий Николай и, наконец, победил непослушное кольцо. – Я даже мечтать не смел о такой девушке.

Соня, так и не дождавшаяся знака, что можно все отменить, рассмеяться глупой шутке, обнять брата и забыть обо всем случившемся, как будто это был страшный сон, перестала дрожать и справилась со своей миссией гораздо успешнее профессора.

– А теперь можете поцеловать невесту.

Ему казалось, что формальный монолог об их будущем счастье никогда не закончится, но в этот момент Соня сама подставила губы для поцелуя.

Именно такой поцелуй ему всю неделю подсказывала фантазия: с нежным жасминовым ароматом, легким привкусом дорогой помады и теплом ладони, опустившейся на его плечо. Он неловко попытался продлить этот миг, но вокруг уже вскипала музыка, лилось шампанское и со всех сторон неслись громкие поздравления. Его оттеснили от юной жены. Он поискал ее глазами в толпе незнакомцев, торопясь увезти как можно скорее. Ему не хотелось ни ресторана, ни тостов, ни подарков. Она сама виделась ему подарком судьбы, неожиданным выигрышем в лотерею жизни. И он мечтал заполнить свой приз, не дожидаясь наступления ночи.

По дороге в ресторан он держал пугливые пальцы в ладони и пожирал глазами мочку уха с массивной сережкой, нежную ямку между ключицами и колени, на которых покоился шикарный и не им выбранный букет. А Соня теребила свободной рукой выбившуюся из букета карминовую розу и прятала глаза.

Пока в ресторане шло веселье, в квартире профессора Кондратьева споро и обстоятельно хозяйничали три дальние родственницы Розы, дамы средних лет, призванные за несколько часов превратить запущенную «берлогу» в место, куда будет не стыдно привести Соню на первую ночь с мужчиной. Уборка в его доме, давно лишенном методичной женской заботы, смело могла быть приравнена к одному из подвигов Геракла. Они мыли окна, вытирали многолетнюю пыль по углам, начищали до зеркального блеска сантехнику и кафель, складывали вещи на полках и застилали только что установленную в спальне широченную кровать взамен продавленного дивана. Отслужившее свой век холостяцкое ложе еще утром переехало на ближайшую помойку к радости окрестных мальчишек, взявшихся препарировать это доисторическое чудище.

– Интересный мужчина, – заметила одна из женщин, разглядывая портрет хозяина дома на книжной полке, пока ее руки, живущие отдельной жизнью, терли стекла, сплошь покрытые отпечатками пальцев.

– Бедная девочка, – проворчала другая и скептически огляделась. – Что за жизнь ее ждет со стариком?

Третья молча разложила на подушке невесомую ночную сорочку и вспомнила себя в семнадцать лет и одноклассника Колю, с которым впервые целовалась на выпускном балу.

А Соня, как оказалось, совершенно не умела целоваться. Совсем как ребенок, который подставляет губы и смотрит вопросительно и серьезно. После очередного «горько» Николай с немим изумлением в глазах обратился к Илье, который только пожал плечами: «Это теперь твоя жена и твоя вотчина!»

Ему предстояло открыть ей весь мир, но гости не спешили расходиться. Звонко и заразительно смеялась рыжеволосая девушка в ярко-зеленом платье и что-то шептала Соне на ухо. Невеста вскинула на нее тревожные глаза и залилась очаровательным румянцем.

– Правда?! Не может быть!..

Николай заметно нервничал. О чем они шепчутся? О его возрасте? О предстоящей ночи?

Голова у Ильи превратилась в сплошную карусель, где мелькали тосты, смех, обрывки четверостиший и витиеватые пожелания молодым. В конце концов, он перестал слышать даже себя и сидел, как истукан, уставившись в одну точку. Роза оставила попытки растормошить выпавшего из праздника мужа и под влиянием выпитого твердила каждому подошедшему, что девочка сегодня чудо как хороша. Соня напрасно пыталась поймать отсутствующий взгляд брата.

– Папа, ты нас пугаешь! – Марина наклонилась к отцу и прижалась губами к его щеке. – Еще немного, и Соня решит, что провинилась.

– Не болтай глупости, – проворчал Илья и потянулся за согревшейся водкой. – Она должна быть счастлива.

– Вот именно, должна! – скептически повторила Марина и поспешно отошла от стола.

– Мы все должны, – не удержалась от колкости жена и добавила только для его ушей: – Разве так выглядит счастливая невеста?

Ему захотелось рявкнуть: «Роза!», огрызнуться, как старый, еще не потерявший былой хватки бульдог, навсегда прикованный ржавой цепью к будке и заподозривший посягательство на свое добро. Но супруга уже повернулась к гостям. И тогда он снова нашел в себе силы посмотреть на сестру. Она улыбнулась в ответ вымученной улыбкой, и между ними пробежала искра понимания. А со стороны могло показаться, что заботливый отец грустит о любимой дочке, покидающей родительский дом.

Лимузин, покорный унылой извозчицье судьбе, вострепнулся, как почуявший просторы конь, бесшумно снялся с места и покатил по ночному городу. При подъезде к пятому перекрестку Николай догадался, что этой ночью все светофоры сговорились и салютуют им красным светом, и нетерпеливо сжал руку молчащей Сони. Она не ответила на пожатие и только ниже наклонила голову, сделав вид, что с трудом борется со сном.

В тот же час президент процветающего холдинга, чувствуя себя обманутым и обокраденным, возвращался в осиротевший дом. Он вполуха слушал нескончаемую болтовню Марины и размышлял о последних Сониных словах. «Не волнуйся за меня, милый. Я постараюсь быть ему хорошей женой, – пообещала она и добавила одними губами: – Мне так жаль, что это будешь не ты». Он сделал вид, что не понял, и поцеловал ее в лоб, как ребенка: «Я мечтаю только об одном – чтобы ты была счастлива!» Но оба знали, что он солгал, потому что все еще хотел, чтобы первую страсть она подарила ему. Он поторопился выдать ее замуж, в глубине души надеясь, что она будет до конца жизни несчастна в этом браке. Хотя у нее было право отказаться. И это был тот единственный раз, когда он ждал, чтобы она нарушила его волю и удержала их от ошибки.

Позабыв о старшей дочери, он негромко зарычал и принялся нервно щелкать зажигалкой. Видавший виды шофер удивленно взглянул в зеркало заднего обзора, но на застывшем лице Ильи Ефимовича не отразилось никаких эмоций. Машина плавно вошла в крутой поворот. Марина болтала без умолку и провожала глазами редких прохожих, поэтому не обратила внимания на посторонние звуки в салоне.

– Так что ты об этом думаешь?

– Извини, я не расслышал.

– Да что с тобой, папа? Я уже сто раз одно и то же повторила!.. – Дочь обняла отца и приложила губами, растерявшими яркую помаду на бокалах с шампанским, к его виску. – Ты странный сегодня.

– Рано я выдал Соню замуж, – пробормотал он с раскаянием, глядя на убегающую цепочку фонарей. – Ты должна была выйти первой.

– Ой, если ждать меня, то она останется старой девой, – рассмеялась Марина. – Нашел из-за чего переживать. Кто в ее возрасте может позволить себе оставаться девицей? К тому же секс должен пойти ей на пользу. А то эта аристократическая бледность...

– Где ты набралась этой пошлости? – Он поморщился, хотя никогда не был ханжой. – Думаешь только о мужиках.

– Скажи спасибо, что не о бабах, – зацепила его Марина и, поймав возмущенный взгляд, просунула руку ему под локоть. – Ну, прости, папочка. Я слегка перебрала! Как думаешь, он хороший любовник, этот твой профессор? Не староват для нашей принцессы?

– Откуда мне знать, – огрызнулся Илья и в отчаянии отвернулся к окну. – Я же с ним не спал!

– Завтра спрошу Соню, – согласилась подождать дочь. – Я ее слегка просветила. А то вы с мамой были так озабочены благопристойностью вечера, что забыли о родительских наставлениях для девочки. А она о сексе только в книжках читала.

– И что ты ей сказала? – насторожился Илья и прикусил язык, но дочь уже расхохоталась и предложила прочитать ему установочную лекцию о том, чего хотят женщины. – Знаю я, чего хотят женщины, – рявкнул Илья и окончательно обозлился на этот день, на беззаботную Марину, на Николая, раздевающего Соню в своей убогой норе, на себя, сделавшего заведомо ошибочный ход. – Денег они хотят и побольше.

– Это только те, у кого денег нет! Я денег от мужиков не хочу. Главное, чтобы ночи даром не пропадали, – с мечтательным лицом призналась дочь и выразительно посмотрела в зеркало заднего обзора на наострившего уши шофера.

– Своих денег у тебя нет, насколько я помню, – мрачно заметил Илья. – Перебесишься, надеюсь! Только не вздумай принести в подоле

– Вот еще! – фыркнула нахалка. – И вообще, ты рассуждаешь так, как будто вышел в тираж!

– Маринка, ты спятила, что ли?! Я тебе отец или кто?!

– Отец, отец! Папочка! – Она потянулась поцеловать его, но он зло отбивался и пыхтел. – Ты у меня еще хоть куда. Был бы завидный жених, да уже окольцован! Но ведь это тебе не мешает, да?

– Моя личная жизнь...

– Ладно, ладно! Ты совсем себя не щадишь! Возьми отпуск, съезди на воды или на острова. Все доктора говорят. Вон и муж нашей Сони...

«Черт бы побрал ее мужа!» Илья полез в карман за сигаретами и безысходным взглядом уличного пса обвел чужие окна. В одной из этих типовых квартир его Соня обнимала другого мужчину, а ему осталось только подчиниться судьбе и продолжить жизнь без нее.

Николай пытался сломить сопротивление замка, пока Соня оглядывала запущенную лестничную площадку, расписанную рукой неизвестного художника замысловатыми «граффити». Ключ никак не мог преодолеть невидимую преграду в древнем механизме, и хозяин квартиры злился.

– Наконец-то! – выдохнул профессор, пропуская Соню во внезапно распахнувшуюся дверь, и она, оставив за спиной беззаботные двадцать два года, впервые переступила порог нового дома. – Теперь это все твое!

Он очертил широким жестом границы своих владений, но тут же спохватился, что его ничем не примечательная квартирка в сибирском городе не идет ни в какое сравнение с особняками и пентхаусами, в которых она росла.

– А у вас здесь уютно и чисто, – благовоспитанно заметила Соня, словно ничего не знала об усилиях трех женщин привести эту землянку в божеский вид.

– Прошу тебя, Соня, говори мне «ты», – попросил муж и щелкнул выключателем в зале.

– Ох, нет, не надо так ярко, – сощурилась она.

Николай зажег торшер над любимым креслом и приготовился сказать маленькую речь, соответствующую важности момента. Но, как назло, в голову не приходило ничего романтического.

– Может, хочешь выпить? – бездарно ляпнул он и с затаенной надеждой обернулся к сияющему разнообразием бару.

– Спасибо, я не пью. Разве Илья не сказал?

Выйдя из светового круга, оставленного торшером на ковре, Соня застыла посреди комнаты одинокая и потерянная, и он с сожалением отказался от идеи продолжить банкет втроем с бутылкой.

– Можно я тебя поцелую?

– Конечно. – Он не мог увидеть, как розовеют ее скулы, потому что в комнате царил спасительный полумрак. – Только я не очень умею.

– Я уже заметил, – постаравшись не улыбнуться, он привлек ее к себе. – Ничего нет сложного.

Соня, не зная, по словам Ильи, ни страсти, ни ласки, в его руках оказалась прилежной и благодарной ученицей. Она закрыла глаза и изогнула спину под его нетерпеливой рукой и через минуту ее пальцы уже смелее гладили его коротко подстриженный затылок. Он решил не затягивать этот мастер-класс посреди гостиной, и молодая жена, на время освобожденная из его объятий, отправилась в спальню, отказавшись от предложения избавить ее от свадебного наряда. Николай слегка расстроился, потому что весь вечер представлял, как снимет с нее одежду и небрежно бросит возле кровати.

Через несколько минут, показавшихся ему вечностью, он с замиранием сердца вошел в спальню. Ее фигурка белела на фоне окна между неплотно закрытыми шторами, а кремовый костюм аккуратно расположился на спинке стула.

– Красиво там. – Она легким кивком указала на спящий город. – Огоньки то вспыхивают, то гаснут. И хотя с каждой минутой их становится все меньше, все окна не гаснут никогда. Дорожка из фонарей бежит вдоль улицы, словно ручеек. А вот звезд сегодня не видно, облака мешают.

– Ты любишь звезды?

Обнимая прохладные плечи, он с трудом заставил себя вслушиваться в слова.

– Они совсем, как я. Одинокие...

Она смотрела в окно и цеплялась за знакомые предметы, как за спасательный круг. Профессор прижался щекой к ее все еще собранным на затылке волосам

– Они холодные и мертвые, а ты такая живая. И теперь у тебя есть я. Я никогда тебя не оставлю и никому не отдам!

– Конечно, – чуть слышно согласилась Соня и обернулась к ждущему мужчине, пока предательские слезы не успели сорваться с ресниц.

Она больше не верила обещаниям. Человек, который был ей дороже всех, много лет лгал, что сделает ее счастливой. А она всего лишь хотела остаться его любимой девочкой. Ей стало невыносимо при мысли, что сейчас, в эту самую минуту, их связь прервется, и до конца жизни он станет искать счастья там, где привык, – в объятиях доступных женщин. И еще она осознала, что юность кончилась, и ничто уже не будет беззаботно и весело, как раньше. Он знал это с самого начала, а она поняла только сейчас, в чужой спальне, с чужим человеком.

– Мне страшно.

Николай не мог понять странную отрешенность в глубине ее глаз, но чувствовал, что должен играть роль сильного и значительного мужчины. В следующий миг щелкнула заколка, выпуская на свободу поток темных волос. С тихим звоном посыпались шпильки, с плеча сползла ночная сорочка, а губы робко повторили недавний урок. Профессор потянул жену вглубь комнаты, прочь от магии ночного города, и их тела заскользили на шелковой простыне, как легкие яхты по бескрайней глади моря.

За годы холостяцкой жизни он забыл, как приятно проснуться утром и после вчерашней кутерьмы и возлияний обнаружить рядом на подушке незнакомое и желанное существо, носящее отныне твое обручальное кольцо.

Соня, едва укрытая одеялом, все еще спала, и ее изгибы напомнили ему о событиях прошедшей ночи.

– Соня, Соня!

Он нежно и настойчиво поцеловал ее в плечо, проглядывающее сквозь густые пряди рассыпавшихся волос. Она распахнула дымчатые глаза и улыбнулась ему одними губами.

– Доброе утро! Ты давно проснулся?

– Только что. Прости, что не удержался и разбудил тебя.

Николай убрал завиток с ее щеки и заглянул под приоткрывшееся одеяло.

– Я выпалась. – Она слегка робела под его ненасытным взглядом, но, потакая его желанию, тихо спросила: – Обнимешь меня?

«Да! – сказал себе профессор. – Я женат!» И ненужное одеяло стыдливо соскользнуло на пол.

Подложив руки под голову, Николай с видом балованного кота наблюдал, как она достала из шкафа его любимую и до недавнего времени самую дорогую рубашку, проигнорировав пеньюар, специально приобретенный для завтрака после брачной ночи.

– Эту можно?

Он представил, как разозлится, когда не найдет рубашку на вешалке, но вовремя прогнал эту эгоистичную мысль.

– Тебе можно все. Подойди, я помогу.

Та же квартира, что и вчера утром, и он тот же, а жизнь уже изменилась и, конечно, изменится еще, надо только подождать. Ему не хотелось вспоминать и не хотелось думать о том, что ждет их в будущем. Он лениво размышлял о превратностях судьбы, подарившей ему эту женщину тогда, когда он и думать забыл о семейном счастье. Он представлял, как они будут узнавать друг друга в ближайшие месяцы, как он будет возвращаться с работы в оживший снова дом и, просыпаясь по утрам, удивляться тому, что она рядом.

– Куда ты хочешь поехать в свадебное путешествие? – спросил профессор, прижимая к себе ее юное тело.

– Мне нравится Италия, – секунду помедлив, ответила Соня, но тут же предвосхитила его следующий вопрос. – Но сначала в деревню.

– Куда? – Николай приподнялся на локте и заглянул ей в лицо. – В итальянскую деревню?

– В русскую. Я никогда не жила в деревне. В деревянном доме с печкой, с колодцем, с горластыми петухами по утрам. Чтобы рядом была река, лес и коровы на лугу. Чтобы дождик стучал по крыше, и можно было рвать яблоки прямо с веток. А трава мокрая от росы...

– Боже ты мой! – Николай легонько погладил ладонью ее щеку. – Сколько в тебе романтики! А как же теплое море, рестораны, музеи, магазины?

– Нет, не теперь, – с улыбкой возразила она. – Мы много путешествовали. Я с семи лет училась сначала в Австрии, потом немного в Париже. Еще мы жили в Швейцарии и летом в Италии. Ну и операция в Германии... А на каникулы нас с Мариной отправляли то на острова, то в Юго-Восточную Азию, а однажды мы с Розой съездили в Лас-Вегас, правда, ненадолго. Я только в Австралии не была. Там, наверное, здорово. И в Антарктиде, конечно, тоже, хотя я не люблю, когда холодно. – Соня представила себе ледяную пустыню, завывание ветра и свинцовое небо без солнца и зябко повела плечами. – Но если ты хочешь за границу...

Она спохватилась и умолкла, ожидая его приговора.

– Девушка, повидавшая весь мир, мечтает об убогой сельской экзотике? Что ты там будешь делать?

– Не знаю. Просто жить.

Николай снисходительно посмотрел на жену, и настороженной Соне показалось, что он не одобрил ее выбор. Илья бы тоже не понял, удивился. «Девичья блажь!» И на этом разговор о печке и петухах был бы завершен, потому что он уже снял для нее белую виллу на Сицилии до конца бархатного сезона, среди раскаленных скал у моря. Они втроем с Мариной ездили смотреть ее ранней весной, когда все вокруг только начинало цвести. Позже Марина наотрез отказалась ехать на остров. Горнолыжные курорты или серфинг во Флориде ей нравились куда больше, чем романтическое уединение с книжкой. Но как же чудесно там будет летом! По вечерам волны с довольным урчанием набегают на белый песок, в камнях прячутся серо-зеленые крабы, а звезды кажутся огромными, как медали на черном кителе морского офицера.

На Сицилии ей было спокойно и хорошо. Это было то самое место, где хотелось поселиться вдвоем до конца жизни, когда бы он ни наступил. Люди там были красивые и гордые, и язык как музыка, и музыка как море.

– Ладно, не будем больше о деревне. Давай поедem к морю или в Европу, куда скажешь, – нарочито весело заключила она.

– Глупышка! – Профессор поцеловал жену и не смог сдержать улыбки. – Я отвезу тебя на Волгу. Там потрясающие закаты. Ты таких нигде не увидишь. Будем есть копченого леща и картошку прямо из костра. Неподалеку есть большая ферма. Парное молоко там почти как сливки. И твои петухи по утрам нас будут будить, и баржи басом переговариваться, и в баньку я тебя свожу. Чудо ты мое... итальянское!

Он поймал себя на мысли, что начал говорить, как она, когда перечислял деревенские радости.

– А я тебе завтрак сделаю. Я умею, правда!

Сонино настроение переменялось, как будто в пасмурный день выглянуло солнце. Она выскользнула из его рук золотистой змейкой. Профессор, раскинувшись на новой кровати, прислушался к тому, как вздрогнул на кухне потревоженный старый холодильник, как полилась вода из крана и звякнула ложка в пустой чашке.

Вскоре она вновь появилась на пороге.

– Принести сюда? В постель, – краснея, добавила она.

– Я сейчас сам приду, – выходя из состояния блаженного безделья, спохватился он.

– Но ведь я твоя жена.

Николай поднялся с кровати, накинул халат, чувствуя себя неуютно под ее внимательным взглядом, и потому не смог разобрать, шутит она или говорит серьезно.

– Почему ты решила, что надо подавать мне завтрак в постель? – спросил он, когда они оказались друг напротив друга за столом.

– А разве нет? Роза носила Илье кофе в кабинет, если он работал дома.

На это Николаю было нечего возразить, он не был избалован «красивой жизнью». Зато ему предстояло научиться понимать жену, хотя уже сейчас видно, что между ними огромная пропасть. Соня попыталась еще что-то добавить, но в их разговор ворвался телефонный звонок. Профессор снял трубку и заулыбался.

– Спасибо, Илья. Замечательно. Планы? Давай я дам тебе Соню, пусть она решает.

– Доброе утро, – в следующий миг промурлыкала она, прижимая трубку плечом к уху и срезая спиральную ленту с большого зеленого яблока, и Николай вышел, чтобы не мешать их разговору.

Все, что Илья мог спросить, он знал наперед. Все, о чем молодая жена профессора могла рассказать, он знать не желал. Он провел бессонную ночь в кабинете, потому что грубо отказал жене в супружеских объятиях. Грубость спровоцировала скандал, которого он втайне желал, но который отнял у обоих слишком много сил. А теперь, сидя в офисе, Илья слушал голос ревности, заглушающий голос разума, и листал бумаги. Строчки расплывались и сливались, не давая вникнуть в суть написанного.

– Сегодня такой солнечный день, – сквозь легкие помехи на линии донесся до него Сонин голос. – А ты с самого утра уже трудишься?

– Ты хочешь поговорить о погоде или о работе? – сурово спросил он, и она отложила яблоко и закусила губу, чтобы не расплакаться.

– Я не знаю, что сказать, милый.

– Ты довольна?

– Ох, Илюша, – забормотала она, заливаясь краской. – Ты хочешь знать?..

– Ты спятила, Софья! – рявкнул он, осознав двусмысленность своего вопроса. – Я спрашиваю о свадьбе, а не о том, как ты... как он...

– Боже мой, прости! – испугалась Соня и прижала похолодевшие пальцы к губам. – Конечно, о свадьбе! Все было замечательно! Просто великолепно! Ты все так прекрасно организовал! Ты все делаешь лучше всех!

– Не надо мне льстить!

– Никогда... – Она растерялась и окончательно расстроилась, а у него не было желания поддерживать и утешать. – Я не стала бы врать тебе.

– Ладно, – смягчился он. – Свадьбу провели. Какие планы на медовый месяц?

Соня смахнула с ресниц слезинку и пересказала ему свой разговор с мужем о деревне, в которую ее неожиданно потянуло разыгравшееся воображение.

– Ерунда! – сурово подытожил он. – Какая деревня? Какие куры и березки? Ты еще под корову с ведром заберись! В Италии дом готов к твоему приезду, а ты заделалась славянофилкой! Срочно на море. Забыла, как зимой три недели провалялась с бронхитом?

– Я поеду, поеду! Только мы сначала немного на Волге побудем, ладно? И Коля решил, что это хорошая идея.

Она ссылаясь на мужа, но по привычке спрашивала разрешения у брата, в чьих разрешениях больше не нуждалась.

– А если я скажу «нет»?

Ему отчаянно захотелось спровоцировать ее, снова подчинить своей воле и посмотреть, что будет делать профессор с его послушной девочкой, как станет бороться с ним, которому столько лет принадлежали ее покорность и верность.

– Нет? – забормотала вконец запутавшаяся Соня. – Почему нет? Конечно, если ты настаиваешь...

– Пусть он решает, – усмехнулся Илья, удовлетворенный экспериментом. – Хочешь в деревню – езжай. На море тебе надо не ради развлечения. Надеюсь, это он понимает.

– Ты пошутил, а я испугалась! – выдохнула Соня и снова взялась за яблоко. – Ну, конечно, Коля все понимает, он же доктор.

– Он не по твоему профилю доктор, – ворчливо заметил Илья и свернул разговор. – Все, мне надо работать.

– Спасибо, что позвонил, Илюша.

Она уже собралась повесить трубку, когда он кашлянул и остановил ее.

– Соня, и вот еще что...

– Да, Илюша?

– Я не желаю знать подробностей. – Он грубо вернул ее к началу разговора. – Как ты проводишь с ним время, что он с тобой делает. Я понятно выражаюсь?

– Да я и не собиралась...

– Если возникнут проблемы, обращай к Розе, к Марине, к психоаналитику, к кому угодно. По остальным вопросам можешь звонить, когда надо. Но все эти слезы, эти нежности... Я не хочу знать, как ты воплощаешь свои романтические бредни в жизнь!

– Да разве я могла бы... Мои мечты не имеют ничего общего с тем, что происходит.

– Я сказал, что не желаю ничего об этом знать!

– Ты и не узнаешь, если сам не попросишь, милый. Я слишком... привязана к тебе, Илюша.

– Не называй меня «милый»! Я тебе не милый! Я выдал тебя замуж, и на этом моя миссия окончена. Надеюсь, ты счастлива, и тебе хорошо.

– Конечно, хорошо, – дрожащим голосом согласилась Соня. – Не переживай за меня.

Он весь разговор ждал других слов, слез, упреков, обид, а она была спокойной и умиротворенной, может быть, даже счастливой. Такой, какой должна была быть в его объятиях. И он взъярился, как раненый бык, потому что в неуместных подробностях представил, как именно ей теперь хорошо.

– Ну, значит, ты наконец-то получила то, что хотела!

И не желая слышать ее растерянного «да», оборвал связь.

Через минуту, стерев слезы с лица, она вошла в спальню и присела на край кровати с расческой в руках.

– Моя идея насчет деревни ему не понравилась, но он сказал, что решать все равно нам с тобой. И еще, что теперь ты отвечаешь за меня. Все будет так, как мы с тобой захотим. Но я пообещала, что после деревни уеду на Сицилию хотя бы на месяц. Ты ведь поедешь со мной, правда?

– Не уверен, солнышко. – Николай знал, что работа не позволит ему отлучиться на такой долгий срок, но заранее огорчать ее не хотел. – Я, конечно, постараюсь.

Но Соня уже забыла об Италии, захваченная предстоящей поездкой в деревню.

– А как мы туда доберемся?

Она задала вопрос и, глядя в пространство, представила узкую тропинку, ведущую через просвеченный солнцем лес между высоких сосен.

– Сначала на теплоходе до Нижнего, а потом на маленьком катере прямо до нашей деревни.

– Туда ходит катер? – Соня вся засияла в предвкушении предстоящего приключения. – А когда мы сможем поехать? Завтра?

В расстегнутом вороте рубашки ему была видна полупрозрачная кожа и трогательная ямка между ключицами. Идея провести с Соней две недели вдвоем вдали от всех нравилась профессору все больше. Он уже успел позабыть все преимущества семейной жизни за время своей многолетней свободы, и это хорошо забытое «узнавание» наполнило его почти юношеским волнением. Соня накручивала на палец прядь волос и в такт своим мыслям качала головой, словно напевала какую-то мелодию. Николай поднял с пола забытую сорочку.

– Роза сегодня дает в нашу честь обед, – вспомнила она. – За нами в половине пятого придет машина. Ты ведь не откажешься поехать?

– Пусть будет обед. Только сначала я хочу еще немного побыть твоим мужем. – Николай ловко расстегнул одну за другой пуговицы и потянул рубашку назад за воротник. – Прямо сейчас.

– Подожди.

Она отстранилась. Ее потемневшие глаза проследили за медленно плывущей тучей с рваными краями, а губы дрогнули в попытке подавить торжествующую улыбку. Может быть, спросил он себя, она видит другое небо с облаками, похожими на стадо овец, слышит шум ветра в кронах деревьев, вдыхает запахи цветущих трав. И с неожиданной ясностью понял, что она никогда не сможет принадлежать ему так, как это было с другими женщинами. В самые хрупкие моменты вечности ему всегда будет казаться, что она не приближается, а отдаляется от него.

– Соня, – окликнул он, и она отогнала образ другого мужчины, обняла мужа за шею тонкими руками и опустила ресницы.

Профессор покосился в окно, где туча с рваными краями исчезла из оконного проема, освобождая яркий кусочек синего неба, и старинные часы над кроватью мелодичным боем сообщили хозяину, что до приезда машины осталось три с половиной часа.

Глава 4. Взрослая девочка

Через пять дней после свадьбы Николай наблюдал утопающую в пыльной зелени Москву из окна машины, которая из аэропорта отвезла их сразу на Речной вокзал. Собственно, и теплохода он тоже толком не рассмотрел, потому что Соня все время теребила рукав его пиджака.

– Смотри, чайки! Прямо в городе, и так много! А какая красивая форма у капитана! Это ведь капитан?

– Не знаю. – Профессор перевел взгляд на палубу и всмотрелся в нашивки на рукаве белого кителя. – Может, помощник. Я не уверен.

Николай погладил ее нетерпеливые пальцы, а Соня уже думала о другом, и китель капитана ее больше нисколько не занимал. Зато рыжая собачка, вертящаяся волчком возле урны, показалась ей похожей на лисичку из старого детского фильма. А пара старичков в панамках напоминала старосветских помещиков. И каюта оказалась узкая, словно сигара, но все равно уютная. И странный мутноватый иллюминатор с очень толстым стеклом. И вообще все просто прелесть.

Он знал, что она побывала в круизе по Карибам несколько лет назад. Конечно, каюта многопалубного лайнера с бассейнами, теннисными кортами и танцплощадками мало напоминала ту крохотную комнатку, где теперь были составлены их вещи. Но Соня даже виду не подавала, что помнит другой уровень комфорта и обслуживания, и он проникся благодарностью к ней и стыдом за собственную некомпетентность. Когда в туристическом агентстве ему рассказывали о сервисе на корабле, ему и в голову не пришло, какой набор смехотворных удобств может предложить отечественный речной флот.

Громоздкий теплоход отклеился белым боком от пристани и вразвалку устремился к середине реки. Соня вместе с другими пассажирами в радостном возбуждении замахала соломенной шляпкой с голубой лентой в белый горошек на тулье. Чужие провожающие стали махать ей в ответ. Николай обнял жену за талию и напомнил себе, что ни на этом, ни на том далеком берегу их никто не ждет. И что целых две недели не будет ни поздравительных звонков, ни светских визитов, ни даже работы.

Счастливая Соня долго не хотела покидать палубу. Ветер игриво трепал ее выбившиеся из прически блестящие локоны. Она, как вышедшая из темного подвала кошка, блаженно жмурилась, нахлобучив шляпку на затылок.

– Правда, здорово, да?

Она всматривалась в проплывающие мимо берега и посеребренные облаками волны, вдыхала запах реки и представляла одинокий маленький домик над волжским обрывом, кремово-зеленую рощу на пригорке и еще бог знает какие деревенские красоты, поджидающие их в свадебном путешествии.

– Иди в тень, ты обгоришь!

Николай увел ее под навес, а она, глядя на воду, шептала, как зачарованная:

– Ну, подожди. Подожди немножко. Я хочу еще полюбоваться...

– Ты все успеешь. Идем в ресторан, а то пропустим обед.

После трапезы, сытые и утомленные, они вернулись в каюту. Соня устроилась на узкой койке с твердым намерением дочитать взятый в дорогу роман. Но уже через пять минут книжка выпала из ослабевших пальцев и с легким стуком ударилась об пол. Соня встряхнулась, как потревоженный под крышей воробей, и потянулась поднять ее.

– Лежи, – снизошел к ее усилиям Николай и прочел вслух французское имя неизвестного ему автора. – Эрве Базен «Анатомия одного развода». Ничего себе книжка после свадьбы! Соня?..

Но жена уже спала, подложив под щеку ладошку и по-детски приоткрыв рот.

«И когда только успела», – подумал он и вернулся к газете в ожидании вечера.

После ужина на палубе было ветрено и прохладно. Соня зябко куталась в полы его пиджака.

– Когда в последний раз я читал лирику? Даже не вспомню, – продолжал начатый за столом разговор Николай.

– Илья говорит, что ты слишком много работаешь.

– Не думаю, что дело во времени, – после легкого раздумья не согласился профессор. – Лирика для молодых, для создания настроения.

– Что ты! – Соня всплеснула руками, и Николай едва успел поймать падающий пиджак. – Разве Джон Донн писал только для молодых? А Микеланджело? Да зачем ходить за примерами так далеко. Возьми хотя бы Бродского. Та романтика, которую он создает своими «научнообразными» образами, вряд ли затронет сердца юных девушек и их поклонников! Вот, к примеру, «Колыбельная трескового мыса».

Похоже, она собралась цитировать любимые строчки, и ему нужно было срочно ее остановить.

– Но твое же затронуло! – парировал муж и усмехнулся в темноту вечера.

– Ну, видишь ли... У меня и жизни другой не было, кроме моих книг. И потом, я... Ах, да ты поймать меня решил! – Она засмеялась, и ее глаза задорно вспыхивали в свете палубных огней. – Я уже давным-давно взрослая! И я твоя жена. Ты должен относиться ко мне со всей серьезностью и уважением!

– Я и отношусь! – Профессор прижал ее к себе и поцеловал в уголок рта, потом в другой. – Пойдем в каюту?

На палубу высыпала шумная компания молодых людей. Они обошли обнявшуюся парочку, переглянулись и рассмеялись громче.

– Давай еще чуть-чуть постоим? – попросила Соня и прислонилась виском к его плечу. – Такой чудесный вечер!

– Чудесный, – без вдохновения согласился Николай.

Поездка на катере оказалась не приключением, а испытанием. Казалось, те два часа, что утлая посуда боролась с волнами и течением, не закончатся никогда. Бледная Соня сидела на верхней палубе и, зажмурившись, старалась отвлечься от качки и отвратительных ощущений в желудке. С каждой минутой это удавалось ей все хуже.

– Земля! – с пафосом первооткрывателя прокричал над ней Николай, и она приоткрыла один тоскующий глаз.

На берегу ее все еще качало, и пришлось уцепиться за его локоть, чтобы не упасть. Николай усадил ее на большой белый чемодан, который выглядел заблудившимся иностранцем на заплыванном шелухой и окурками волжском берегу.

Два местных жителя с любопытством разглядывали экзотическую путешественницу, подставившую побледневшее лицо ветру. Ее юбка рвалась вверх, обнажая стройные ноги выше разрешенного местной моралью предела, а женщина вяло придерживала ее рукой.

– Укачало, – извиняющимся тоном пояснил Николай, и мужики понимающе переглянулись и снова принялись лапать бесцеремонными взглядами ее колени.

Наконец Соне удалось справиться со спазмами в желудке. Профессор, желая произвести впечатление, с мальчишеским азартом подхватил чемодан и дорожную сумку, и они начали восхождение от пристани по пыльной деревенской улице.

Дом тети Люды стоял на высоком берегу реки. За домом расстилалась целая пашня, превращенная трудолюбивой старушкой в огород. За ним стеной вырастал старый сад, обнесенный ветхим забором, и только за садом начинался обрыв, густо поросший кустами и сорняками и ведущий к узкому песчаному пляжу.

Тетя Люда предоставила молодоженам карт-бланш на весь срок поездки. В конце улицы жила ее одинокая золовка, готовая с радостью принять родственницу в любое время. Николай не был уверен в успехе, когда позвонил тетке, с которой не виделся уже лет семь, чтобы попросить сдать им жилье. Но проницательная старушка так обрадовалась приезду Коленьки, что сама предложила съехать из дома, чтобы не путаться у молодых под ногами. Деньги за постой она отказалась брать наотрез, но в кармане его сумки была приготовлена сумма, достаточная для того, чтобы обеспечить хозяйке приличное существование в деревне на несколько месяцев. По столичным меркам это, конечно, было до смешного мало, но в местном магазине можно было почувствовать себя почти помещицей.

Соня с опаской вошла в обжитой деревенский дом, недоверчиво оглядела бревенчатые стены в сенцах, тронула шероховатый косяк двери, тщательно вытерла подошвы туфель о половики, но не решилась идти в них по крашеному полу и осталась босиком посреди горницы с длинным столом и двумя лавками по обе его стороны.

В углу за ее спиной Николай пристроил чемодан и сумку и водрузил на вешалку пиджак.

– Ну, как тебе? – поинтересовался он, обнимая жену.

– Я еще не поняла, – прошептала она, как во сне. – Это... я даже не знаю, с чем сравнить. Пахнет опилками, хлебом и помидорами, кажется. Мы, правда, здесь, или это только сон?

– Мы здесь и останемся на две недели совсем одни.

– А как же хозяйка?

– Она нас не побеспокоит.

Сад произвел на Соню не меньшее впечатление, чем дом. Она прошла между деревьями, как цирковая собачка между ног дрессировщика, приласкала шершавые стволы ладонью, поиграла темно-зелеными гирляндами листьев, спасая подол юбки, увернулась от колючей ветки крыжовника, усыпанной полупрозрачными янтарными ягодами.

– Как же здесь здорово! – Она повернула к мужу, остановившемуся под старой вишней, просветленное лицо. – А где ферма? Там, правда, целое стадо? Никогда не видела вблизи коров. Здесь можно спуститься к реке?

– Соня, помилуй! – Николай сунул мокрый носовой платок в карман. – Куда ты так торопишься? Нужно поесть с дороги, переодеться. Мы все успеем.

– Все успеем, – эхом откликнулась молодая жена, пытаясь разглядеть невидимую реку. – Ты устал?

– Не сердись. – Профессор заметил хмурую морщинку между ее бровей. – Я хочу переодеться и попить чего-нибудь.

– Прости. Я ужасная эгоистка. – Соня первая устремилась к дому между ровных грядок с салатом и морковью. – Я тоже купила джинсы. Илья говорит, что приличные девушки не должны носить рабочую одежду. Но иногда мне хочется быть как все другие... неприличные девушки.

Она фыркнула на последней фразе, и Николай прикрыл ладонью глаза от солнца. Яркие лучи, отраженные от стекол дома, казалось, просвечивали ее насквозь. Соня почти бежала к крыльцу, и он поплелся следом в прохладу горницы за крахмальными клетчатými занавесками.

– Что, если я надену шорты? – сказала она, покосившись через плечо, и продолжила копаться в чемодане. – Хотя там кусты и крапива. Ладно, пусть будут джинсы.

Она натянула короткую трикотажную майку, поддернула молнию и победно посмотрела на дверь.

– Все, я готова! Ах, ну да... Ты голодный. А что у нас на обед?

За обедом нагулявший аппетит профессор уплетал еще теплую картошку из чугунок, отламывал от толстого ломтя кусок хлеба, хрустел сорванным с грядки огурцом. Соня задум-

чиво скатывала в пальцах хлебные шарики, отрезала от огурца тоненькие кружочки и все время высматривала что-то за окном.

– Что там? – не выдержал муж и отогнул край занавески.

Огород ничуть не изменился, даже ветер не шевелил ветки деревьев, но Соня все равно не могла оторвать глаз от пейзажа.

– Просто красиво и необычно. Ты уже поел? Где тут моют посуду?

– Не думай о посуде. – Николай поцеловал нежное, едва тронутое северным загаром запястье. – Это моя забота. Ты все еще хочешь на реку?

Она вскочила со скамейки и бросилась к двери, как молодой пес, услышавший магическое слово «гулять». Однако, не почувствовав за спиной ответного энтузиазма, возле порога обернулась и виновато опустила глаза, пытаясь скрыть затаенную радость. Они прошли сквозь залитый солнцем огород и прохладно-тенистый сад и остановились перед незапертой калиткой, которая уже не первый год зарастала крапивой и бурьяном. Не без труда им удалось пробиться через заросли травы и покинуть обжитую территорию двора. За забором начинался спуск, и они с осторожностью продвигались среди сорняков, нащупывая под ногами тропинку. Сониная ладонь нетерпеливо подрагивала в его руке.

У воды резко пахло тиной, и Николай поморщился. Он еще помнил запахи детства, когда берега не были захламлены. Но Соня не замечала принесенных прибоем пивных банок и рваных пакетов с почти стертыми надписями «Чипсы». Она смотрела то ввысь, где неторопливо парили и лениво переругивались чайки, то на воду, которая серебристым потоком несла травинки и листья из затопленной березовой рощи, а потом обратила к мужу сияющие глаза.

– Такое раздолье! Какие краски! Если не смотреть в сторону пристани и не оборачиваться на деревню, то кажется, что никакого двадцатого века нет и в помине!

– И забыть, что дохнет рыба. Что затоплены луга и леса, – подхватил профессор.

– Все так плохо?

– А ты телевизор не смотришь?

– Почти нет. Илья говорит, что современный человек и так получает сплошные стрессы.

– Ну да, кого волнуют такие мелочи, – усмехнулся неприятно удивленный Николай. – Хотя у него производство. И проблемы экологии, наверняка, влетают ему в копеечку. Сейчас это все завязано в один клубок: деньги, политика, охрана природы.

– Наверное. – Растерявшаяся Соня пожалала плечами и засомневалась, встать ли, по привычке, на сторону брата или, сообразуясь с новой ролью, поддержать мужа. – Он не говорит со мной о работе.

Теперь она смотрела на реку уже другими глазами, в один миг лишившись розовых очков. Николай ощутил неловкость оттого, что расстроил Соню, хотя в его планы это вовсе не входило.

– А о чем же тогда?

– Сложно сказать. – Она задумалась, пытаясь вспомнить хотя бы один серьезный разговор с братом, но память услужливо предлагала только милые пустяки. – Он все время занят или в отъезде.

Найдя для себя приемлемое объяснение, Соня осмотрела берег и уселась прямо на песок, обхватив колени руками. Николай примостился рядом.

– Значит, тебя растили мамки да няньки? – сменил тему он, мысленно нарисовав подобие резного терема, как на лубочных картинках в сказках о царских дочках.

– Нет, ты не думай! – спохватилась Соня, почуввав иронию в его словах. – Он очень хороший. Просто раньше у него было больше сил для семьи, а теперь все отнимает бизнес. И мы уже давно не дети.

– Так живет каждый, кто много работает.

Николай вспомнил бесконечные дни и ночи в клинике с такими же оторванными от личной жизни коллегами.

– Он особенный, – устремив глаза к другому берегу, возразила Соня. – Я бы не хотела другого отца. С ним так спокойно...

– Да ты влюблена в него! – со смехом догадался профессор.

– Перестань!

Соня похолодела от ужаса, что муж без труда раскрыл ее самую сокровенную тайну.

– Девочки нередко влюбляются в отцов. Обычный комплекс Электры, – без задней мысли сказал профессор, и у Сони отлегло от сердца. – И по той же причине отцы больше любят дочек, балуют их, ревнуют, отваживают женихов.

– Какая же это любовь, – неосторожно вздохнула она, – если выдаешь дочь замуж за один вечер.

Николай сцепил пальцы и с преувеличенным интересом принялся следить за высоким полетом одинокой чайки. Вернувшаяся в реальность Соня вдруг осознала бестактность сказанного и покосилась в его сторону, лихорадочно соображая, как исправить ситуацию.

– На реке чайки живут, как голуби в городе. – Он заговорил первым, чтобы как-то сгладить неловкость. – Роятся в мусоре, питаются падалью. Но когда они вот так величественно парят, совсем об этом забываешь.

– Они как парусники на горизонте, – деревянным голосом отозвалась она, не сводя с мужа настороженного взгляда.

Он продолжал следить за фланирующей вдоль береговой линии птиц, воссоздавая в памяти образ облупившейся зеленой голубятни на окраине Киева сорок лет назад, когда Соня накрыла его руку своей.

– Коля...

Профессор встретился глазами с женой и забыл о небесах. Она, уловив перемену в его настроении, придвинулась ближе, обняла за шею, потянула к себе. Пачка сигарет, запроващенная мимо кармана, упала рядом. Николай целовал жену, и ветер перебирал волосы у него на затылке. Чайка, уставшая наматывать в пустынном небе круги, как одинокий гонщик на ночном автодроме, шумно спустилась на берег и приблизилась к лежащим людям. Руки женщины пытались освободить мужчину от рубашки, и птица, пользуясь моментом, подобралась еще на несколько шагов к раздавленной пачке.

– Ты у меня красавица.

Под закрытыми веками она видела другого мужчину, чьи поцелуи сводили ее с ума далекой июньской ночью.

– Скажи еще, – с тихим стоном попросила она, закинув руки за голову и выгнувшись навстречу его поцелуям.

Янтарный птичий глаз отражал то мятую белую коробочку с торчащей из угла сигаретой, то две причудливо переплетенные на песке фигуры.

– Ты мое маленькое счастье. Я люблю тебя.

Тот, другой, никогда не баловал ее нежными словами. Ему было проще отчитать ее за провинность, чем похвалить и приласкать.

– И если когда-нибудь ты сможешь ответить мне взаимностью...

Пара неловких шажков, и загнутый клюв вцепился в оброненные сигареты. Чайка, зорко наблюдая за людьми, бочком отступила на безопасное расстояние, чтобы внимательнее рассмотреть свою находку.

– Я постараюсь быть тебе хорошей женой, как обещала Илье.

В тот же миг Николай потерял интерес к любовной игре на берегу. Сониная рука снова потянулась обнять его, но он поднялся, застегнул рубашку и облизнул пересохшие губы. Она безуспешно попыталась вернуть его на песок, но он отряхнул брюки и подал ей руку.

– Пойдем в дом. Ты сгоришь без привычки.

Соня секунду помедлила и ловким движением поднялась на ноги. Чайка, распотрошившая пачку и не нашедшая ничего полезного для себя, подняла к животу скрюченную лапу и обиженно втянула голову.

Николай подтолкнул жену вверх по тропинке к дому, и Соня понуро побрела назад, почти физически ощущая бурлящую в нем обиду. Старый сад больше не казался ей таинственным и красивым, а раскидистые деревья так и норовили вцепиться в волосы корявыми ветками. Уже на пороге профессор без слов прижал ее к себе и тут же отстранился, чтобы открыть дверь. Соня босиком прошла по теплому деревянному полу к железной кровати, занимавшей один из углов. Пять пузатых подушечек в белых кружевных наволочках покоились пирамидкой на разноцветном лоскутном покрывале.

Лежа на кровати с закинутыми за голову руками, она наблюдала, как муж методично распаковывает чемоданы. Когда вещи были разложены, Николай похлопал себя по карманам в поисках сигарет, достал из сумки другую пачку и вышел за дверь, даже не взглянув на жену. Она с досадой отвернулась к стене и снова вспомнила об Илье.

Когда профессор вернулся в дом, Соня соскользнула с кровати и стянула через голову майку.

– Коля! Иди ко мне... пожалуйста.

Николай остановился в дверях, любуясь женой, но Соня по-своему расценила его нерешительность, избавилась от джинсов и, вернувшись на лоскутное покрывало, вытянулась во весь рост на прогнувшейся кровати.

Он непослушными пальцами дернул хлипкую щеколду, отрезав их от всего мира.

– Иди скорей! – понизив голос, потребовала соблазнительно-невинная Соня, за несколько дней брака освоившая способ улаживания недоразумений, и перевернулась на бок.

И четыре из пяти подушечек полетели на пол, сброшенные нетерпеливым движением тонкой руки.

Когда ковш Большой медведицы зачерпнул темное небо, разлитое над яблонями, а в деревне один за другим стали гаснуть желтые огни ламп и голубые экраны телевизоров, Соня отложила в сторону прочитанную книгу. Николай, принявший душ и вымывший посуду, уселся на лавку возле стола. Соня спустила ноги с кровати и задумчиво раскачивалась из стороны в сторону, словно замороженная дудочкой кобра.

– Давай сыграем в «морской бой».

– Во что?!

Теперь уже он сам был не прочь поваляться на кровати в неге заслуженного за день отдыха.

– В «морской бой». – Соня пересела на край скамейки и заглянула в его вытянувшееся от удивления лицо. – Чертишь квадрат, расставляешь кораблики. Ты что, не играл в детстве?

– Играл, конечно. Лет тридцать пять назад.

– Так давай сыграем сейчас!

Соня легко толкнула его лежащую на столе ладонь теплыми подушечками пальцев, как заигрывающий с хозяином щенок.

– Еще бы в «классики» предложила или в «казаки-разбойники», – рассмеялся он и с ловкостью охотника перехватил ее ускользающую руку, а она подняла брови и растерянно посмотрела на мужа. – Ну, да, забыл, что ты совсем не дворовый ребенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.